

Константин Штепенко

Протоплазма

Пролог

Первый слабый взрыв прозвучал поздно ночью, во время вахты второго помощника. Капитан Ли Данкан Миллер спал чутко, и тут же проснулся от резкого толчка. Вскочив, он быстро оделся, и уже выходя из каюты, услышал звонок пожарной тревоги.

— Доложите обстановку. — Сказал он спокойно, обращаясь к вахтенному.

Не хотелось выдавать своего беспокойства и сеять нервозность среди офицеров и экипажа. Только он и грузовой помощник знали все о грузе и той опасности, которая могла возникнуть при определенных внешних условиях. А предпосылки для несчастливого стечения обстоятельств были. На это капитан Миллер указывал в своем рапорте, представленном начальнику базы флота транспортной компании «Australian Cargo Delivery», на судах которой он работал уже более десяти лет. В этот раз «Тасманский волк» должен был перевезти груз минеральных удобрений в Перу. Все бы хорошо, но при повышенной влажности и высокой температуре удобрения начинали выделять

взрывоопасную газовую смесь, и для ее отвода была необходима мощная вытяжная вентиляция, каковой трюмы «Тасманского волка» оборудованы не были. Первым сломался грузовой помощник. Ему предложили дополнительную оплату, и он подписал погрузочные документы. Капитан от денег отказался и поставил условие — его рапорт должен был быть принят компанией официально как его особое мнение, зарегистрирован и подшит в папку с документацией по «Тасманскому волку». Все это было сделано, однако Миллер выходил в рейс с неприятным предчувствием. «Слизняк. Вот тебе и расплата за мягкотелость. Людей жалко», подумал он, быстро просчитывая ситуацию.

— Включить систему подачи противопожарной пены. Боцману расчехлить и подготовить спасательные мотоботы. Старшему помощнику принять руководство спасательными действиями на корме.

Миллер посмотрел на карту, потом на локатор. «Странно, судя по карте, ближайший остров Французской Полинезии находится в ста пятидесяти милях...» Между тем на локаторе милях в трех отчетливо отбивалась изрезанная кромка береговой черты. Он вышел на правое крыло мостика и приложил бинокль к глазам. У горизонта на фоне светлеющего неба виднелась темная полоска суши, отделенная от моря белой линией

прибоя.

— Рулевой! Право на борт. Держите курс на северную оконечность острова. Средний вперед!

Последние слова потонули в страшном грохоте. Огненный столб взметнулся над кормой, и в воздух со свистом взлетели искореженные куски металла, дробно ударив по обшивке надстройки.

— Старший помощник ответьте капитану! — Прокричал Миллер, поднеся ко рту свой уоки-токи. Ответом была тишина. Тогда он обратился ко второму помощнику. — Свяжитесь с машинным отделением, что у них?!

Прибежал запыхавшийся боцман и быстро заговорил, испуганно вращая глазами.

— Корма вся в огне, взрывом повреждены оба спасательных бота. Возможны повреждения в обшивке судна. По левому борту наблюдаются пузыри воздуха. Топливо вытекло на поверхность моря! Огонь уже охватил надстройку. Что делать, капитан?

— Рулевой! Курс прямо на остров, будем сажать на мель. Другого выхода нет. Радисту передавать сигнал СОС. Боцман соберите людей на полубаке!

Через несколько минут судно перестало слушаться руля. Двигатели умолкли, когда до острова оставалось от силы пять кабельтовых. Боцман собрал остатки экипажа на палубе возле

носового трюма. Капитан Миллер стоял на крыле мостика, обреченно глядя на приближающуюся линию прибоя над рифом. Уже вся надстройка была в огне, огонь быстро распространялся по коридорам нижней палубы и по ходам сообщения под нею. Под действием инерции «Гасманский Волк» врубился носом в прибойную полосу, послышался скрежет металла о риф, сильным толчком всех бросило на палубу, в это же время в носовом трюме взорвался скопившийся газ.

В одно мгновение судно окуталось огненным облаком. Миллера ударило взрывной волной о надстройку, Осколки обшивки раскроили ему череп, и увлекаемый чудовищной силой он взлетел в воздух, словно тряпичная кукла, размахивая вдруг ставшими гибкими конечностями.

Последнее что он увидел, было летевшее ему навстречу зеркало лагуны, в котором отражалось кровавым заревом рассветное небо.

* * *

— Сима, у меня сейчас встреча с тем австралийцем. Я тебе говорил. — Петр Никитич Вересов стоял у окна своего суита на пятьдесят восьмом этаже башни Langham Place Hotel в центре Коулунa и задумчиво смотрел на ошестинившийся небоскребами Hong Kong Island, на охватывающий

его серовато-серебристый монолит моря и ползущие над ним отяжелевшие грозовой чернотой тучи. — Прошу тебя, останься дома. Шэньчжэнь не самое подходящее место для прогулок. Я постараюсь скоро вернуться.

— Я же сказала, что поеду с тобой. — Серафима поставила на журнальный столик стакан тоника со льдом, поднявшись из кресла, подошла к нему и положила руки ему на плечи. Темно-карие угольки ее глаз, совершенно не вязавшиеся с ее классическим обликом натуральной блондинки, сверкнули злой решимостью. — Я единственный близкий тебе человек, и мне нужно быть в курсе всех твоих дел. Случись что, только я смогу довести их до завершения. Ночью ты опять глотал обезболивающее, был приступ?

— От тебя все равно ничего не скроешь. Ночью особенно остро чувствуешь боль. Кажется, будто какой-то ненасытный червь ворочается там, пожирая мои внутренности. — Сказал он обреченно, приложив руку к животу. — Я не понимаю, зачем ты со мной возишься? У тебя есть все, молодость, эта пронзительная красота, которая не только меня сводит с ума, деньги, и что особенно странно — рациональный гибкий ум. Плюнь на меня. Продай свою долю, заведи семью, живи по-человечески. А я сам пройду оставшийся путь. Похоже, он обещает быть особенно коротким и

тернистым.

— А зачем ты возился со мной? Ты бы мог обобрать меня, сделать своей наложницей. Твои коллеги по цеху сплошь и рядом творят такое, перед чем моя фантазия пасует. По крайней мере, прибрать к рукам бизнес отца было бы не зазорно.

— Это была дань твоей матери. Я был по уши влюблен в нее, но она выбрала Филиппа, моего лучшего друга. В последний вечер, когда она уже угасала, я был у нее в больнице. Мы вспоминали наши студенческие годы. Она сказала, что мы ей оба очень нравились, и если бы я был понастойчивей, то она вышла бы за меня. Тогда она попросила меня позаботиться о тебе и Филиппе, и я пообещал. Как видишь, половину обещания я не сдержал, не уберег твоего отца, поэтому я хочу уберечь хотя бы тебя. Это мой долг перед твоими родителями. Ближе них у меня никого не было.

— Почему же ты хочешь отобрать у меня право на чувство долга? Теперь моя очередь отдавать долги, и лучше тебе смириться. Все равно от меня не отвяжешься. А как выздоровеешь, я тебя брошу.

— Если выздоровею... Отчасти я благодарен болезни, за то, что она дала мне возможность быть рядом с тобой.

— Ты старый, больной, но все еще блудливый козел! Даже из смертельного недуга пытаешься

извлечь выгоду. Поехали!

* * *

Согласно договоренности с посредником, человек, которого они искали, должен был появиться на перекрестке, только когда их машина в третий раз свернет на эту не совсем чистую, мрачноватую, но довольно оживленную улицу. Старый побитый фургон с прикрытием еще с утра занял позицию на перпендикулярной улице, метрах в тридцати от перекрестка. а на перекрестке было, по меньшей мере, шесть потенциальных мест, откуда мог появиться контакт, среди них дешевый супермаркет, ресторан, занимавший три этажа углового здания, два бара, небольшой рыбный рынок и здание с тремя выходами, на котором было два десятка вывесок мелких компаний, арендовавших здесь помещения под офисы. Проконтролировать все эти объекты не представлялось возможным. Кроме того, незнакомец предупредил, что не сядет в машину, если там не будет Вересова собственной персоной, или же при наличии китайцев среди пассажиров.

— Внимание, Джимми! — Обратился Вересов к шоферу. — Контакт, китаец-полукровка, имеет на лице шрамы и видимые серьезные повреждения лицевых костей, смотри в оба. Судя по всему, за

ним охотимся не только мы, поэтому — предельное внимание.

Было видно, как справа к перекрестку медленно приближался белый фургон прикрытия, а впереди в сотне метров замаячил джип охраны, только что припарковавшийся у тротуара. Сзади беспокойно заерзала Сима.

— Кажется, я его вижу, слева, за газетным киоском! — Громко прошептала она, просунув голову между сидениями.

И действительно, от киоска отделилась сухопарая разболтанная фигура, передвигавшаяся странным полуприставным шагом. Хотя шляпа слегка затеняла лицо незнакомца, но не мешала увидеть, что оно страшно изуродовано. Вернее сказать, вся голова была в каких-то вмятинах и выпуклостях, и от ее вида у Серафимы тошнотворный спазм неожиданно свел живот. Ей стоило больших усилий контролировать себя. Человек пересек тротуар, и ступил на дорогу, собираясь сесть в замедливший ход «Ягуар», когда слева на перекресток начал вырывать внедорожник «Мерседес». Дальше все произошло так быстро, что трудно было зафиксировать все происходящее разом. Джип притормозил, его двери открылись, и в них появились широкоскулые лица качков с раскосыми глазами. Незнакомец бросился бежать к «Ягуару», и тут же справа на джип

накатил ускорившийся белый фургон, вынося «Мерседес» на тротуар. Послышался глухой звук удара, звон стекла и крики окружающих. В это время бегущий инвалид достиг задней двери «Ягуара», Сима открыла ее, и изуродованная голова, утратившая шляпу, просунулась внутрь. Испуганные глаза скользнули по лицам пассажиров.

— Я Вересов! — Крикнул Петр Никитич, перегнувшись через сидение.

Серафима дернула человека за руку, и он упал внутрь чуть ли не ей на колени. Машина рванулась вперед, и дверь захлопнулась сама по себе. Достав из-под ног легкий бронезилет, девушка накрыла им лежащее на сидении рядом с ней тщедушное тело, и сама пригнулась так, чтобы ее не было видно.

* * *

Жалкое сторбленное существо сидело, забившись в угол дивана, и трясло изуродованной головой, поросшей клоками черных жестких волос. Зрелище было более чем удручающее, и Серафима исподтишка промокнула платком зародившуюся в уголке глаза слезинку. Вересову стоило больших трудов вывести странного гостя из состояния глубокого ступора. Серафиме даже пришлось взять на себя функции медсестры и ввести ему

приличную дозу транквилизатора. Ли Данкан Миллер, так звали австралийца, категорически отказался от врачебной помощи, и вообще настоял на том, чтобы никто из посторонних не знал о его местонахождении. В виду этого пришлось отпустить охрану и самим отвезти его в особняк на окраине, который Сима незадолго до этого сняла на чужое имя.

— Вы говорите по-английски? — Спросил Вересов, садясь в кресло напротив Миллера.

— Конечно говорит. Что за глупые вопросы! Он же австралиец! Просто у него сильно растрепаны нервы. Сейчас подействует укол, и мы сможем с ним побеседовать. — Сказала Сима, сев рядом с Миллером и, переборов отвращение к его физическому уродству, взяла его за руку. — Успокойтесь, Ли. уже все позади. Вы среди друзей.

Миллер закрыл глаза и долго сидел, покачиваясь вперед-назад, что-то шепча себе под нос.

— Теперь уже все равно. У меня осталась только капелька Его, и память. Если я почувствую, что вы злые люди, то убью себя. Вы не узнаете ничего о Нем. — Вдруг сказал Миллер и, повернувшись к Серафиме, добавил. — Не бойтесь меня, милое дитя. Уродство пугает, но не само по себе. Вы примериваете его на себя, представляя, что такое могло произойти с вами. Но этого не будет.

Бог оградит вас...

— О чем вы говорили? О какой капельке? —
Спросил Вересов.

— Сейчас я вам покажу. — Миллер пошарил во внутреннем кармане выдавшего вида пиджака и извлек пластиковую пробирку с каким-то темным шариком внутри. — Этого не хватит, чтобы одолеть ваш недуг, но увидев его действие, вы сможете кое-что понять. Нет ли у кого-то из вас какой-нибудь ранки или нарыва, который бы вас беспокоил.

— Не пойму, о чем вы... — Начал было Вересов, но Сима остановила его жестом и показала Миллеру руку.

— Я чем-то поранилась во время нашей эскапады из Шэньчжэня.

Ранка на тыльной стороне ладони запеклась, и вокруг нее образовалась красноватая припухлость. Миллер открыл пробирку, вытряхнул из нее шарик себе на ладонь и, помяв его пальцами, приложил к ранке. Сима вздрогнула, но не отдернула руку. Миллер крепко прижал шарик пальцем.

— Что вы чувствуете?

— Странное ощущение. Будто что-то шевелится под кожей. — Миллер отнял палец, и она посмотрела на место, где была ранка. — Ой! Смотри!

Она протянула руку Вересову. Тот взял ее и

внимательно стал рассматривать место, где только что был порез и опухоль. Ранка уже полностью затянулась, оставив лишь светлый след, который исчез через несколько секунд. Покраснение потускнело и тоже исчезло вместе с припухлостью.

— Как такое возможно? — Воскликнула Серафима. — Это какой-то фокус?

— Это не фокус. Фокус сидит перед вами. — Сказал Миллер. — После взрыва на судне меня, единственного из всего экипажа, выбросило с мостика, при этом как видите не совсем целого. Я был похож на мешок с дроблеными костями, в котором еще теплилась жизнь. Не знаю, как я оказался на этом островке, где мне пришлось прожить два года. Но скорее всего взрывом меня подкинуло очень высоко, и я упал в лагуну, в самую гущу этого желе. Оно в свежем виде выглядит совсем по-другому. Прошло уже шесть лет, и как видите, даже мертвое, оно сохранило некоторые свои свойства.

— Вы хотите сказать, что знаете, где его много? И оно может исцелять любые недуги? — Спросил Вересов.

— Все эти шесть лет я искал человека, которому бы мог доверить эту тайну, но так и не нашел... Вы моя последняя надежда. Похоже, болезнь сильно обуздавала вашу гордыню, и возможно, вы тот человек, который мне нужен.

— Что вы имеете ввиду?

— Оно живое. Это желе не просто может двигаться, узнавать вас, играть с вами, оно еще и проникает в ваш внутренний мир. И горе тому, у кого в душе живут чудовища! Оно выпускает их на волю, и они пожирают своего носителя. Так что, вы или вылечитесь, и будете жить долго, или умрете страшной смертью. — Миллер посмотрел на Вересова пронзительным взглядом, но через мгновение искра в его глазах потухла, плечи опустились, и он снова впал в полудрему, но уже не раскачивался, а просто сидел, глядя перед собой. Через несколько минут он впал в глубокий сон.

— Похоже, его сморило от транквилизатора. — Сказала Серафима, когда они вышли в другую комнату. — Тебе не кажется, что у него не все дома? Хотя этот фокус с царапиной... Полная регенерация тканей в очень короткое время.

— Не важно, сумасшедший он, или нет. У нас есть возможности прояснить все вопросы. В моем положении нельзя отказываться от подарков судьбы. Вдруг это как раз то, что я ищу? Отмахнувшись сейчас, я уже никогда не узнаю правды.

— Что ты собираешься делать?

— Нужно вывезти его отсюда поскорее. Наличие конкурентов лишь убеждает меня в том, что к нему стоит прислушаться. Псы, что шли по

его следу не простые уличные рэкетеры. Их хозяин — птица высокого полета. Думаю, отвезем его в наше поместье в Сан-Паулу. А там разберемся. Главное, исчезнуть отсюда незамеченными.

— Мне кажется, нужно найти место, о котором никто не знает. Не стоит светить наше английское гражданство. Можем мы использовать наши греческие паспорта? Они надежные?

— Вполне. По крайней мере, еще год к ним не подкопаешься. Возможно, ты права.

Глава 1. Кюрасао — Мартиника

Ослепительный полдень горячим киселем обволакивал обожженные солнцем скалы Кюрасао. Солнце было везде — оно изливалось с неба огнедышащей лавой, отражаясь в светящемся синевой море, в окнах будто игрушечных, раскрашенных в веселенькие яркие цвета домов «Карибской Голландии», в стеклах автомобилей, в фонтанах, в пестрых витринах и солнечных очках туристов. «Нереида», плавно покачиваясь, разрежала гладь канала, и вот уже проскользнув под мостом между Хандельскаде и Роувиллевег, заложила крутой вираж, кренясь на борт. За кормой осталось казино «Реннесанс» и берег Отробанда, а по левому борту медленно проплывали пляжи Виллемстада с нависшими над ними глыбами

отелей.

Андрей полулежал в шезлонге на верхней палубе, держа в руке пинту ледяного темного пива. Он лениво поглядывал сквозь солнечные очки на проплывающий мимо пейзаж, на роящиеся вокруг катера и яхты, на зависших у самой мачты чаек, то и дело кося взглядом в сторону, где в шезлонге, демонстративно отворачиваясь от него, возлежала загорелая блондинка Сандрин. Ее немилость была вполне понятна, но Андрей нисколько не жалел о вчерашнем «фестивале», устроенном местной голландкой Майрой Ванн Руперинк в честь удачного завершения работ на шельфе Малых Антильских островов. Весь рейс Майра была суховата в общении, сдержана и сосредоточенна на работе. Под стать настрою были и ее одинаково невыразительные свободные наряды, делавшие ее фигуру бесформенной. Темные очки, которые она не снимала даже ночью, выгоревшая бейсболка, и вечно забранные в конский хвост пепельные волосы дополняли этот серый, карандашный портрет бесполого «яйцеголового» существа¹, жадного до работы и абсолютно безразличного к еде, выпивке и прочим, доступным в море забавам. Каково же

---

¹ На сленге одесских моряков так называли ученых на научных судах.

было удивление экипажа, когда в последний день, после официального окончания камеральных работ, из ее каюты вышла роскошная загорелая фемина, не отягощенная излишками одежды, с распушенной по плечам пепельной гривой волос. Прекрасно сложенная, как породистая кобылка, отведя плечи назад и чуть запрокинув голову, она остановилась перед Андреем, уныло ожидавшим исполнения выпавшей на его долю повинности — проводить ее с вещами на берег, и сказала, томно растягивая слова:

— Андрэ, возьмите, пожалуйста, мои чемоданы в каюте. Я жду вас на причале.

Спустившись по трапу с двумя огромными баулами, Андрей обнаружил группу поддержки, приехавшую встречать Майру на двух кабриолетах. Высокие как на подбор курортного вида голландцы, загорелые и громкоголосые, забросали багаж в машины и начали усаживаться сами. Майра медлила, стоя перед открытой дверцей, вопросительно глядя на Андрея.

— Что же вы, Андрэ? Все ждут только вас. — Сказала она тоном, не терпящим возражений. — Сейчас мы едем на барбекю на Авила-Бич, потом будет ужин в ресторане, а ночью пройдемся по дискотекам. Как вам такая культурная программа?

Андрей замялся, так как полное перерождение Майры «а ля принцесса-лягушка» застало его

врасплох.

— Звучит заманчиво. — Нерешительно проговорил он, стараясь потянуть время, чтобы принять какое-то решение. — Только как-то неожиданно. Я не взял плавок...

— Ой, какая чепуха! Вижу, вы согласны. Я беру над вами шефство. Будут вам и плавки, и выпивка. Поехали!

Она протянула тонкую загорелую руку, и Андрею ничего не оставалось, как сесть с ней рядом на заднее сиденье кабриолета.

* * *

В Авила-Бич все уже было готово к их приезду. К трем парам, встречавшим Майру на причале, прибавилось еще четверо — два таких же длинных голландца со своими сухощавыми высокими подругами. Они уже расставили под парусиновым тентом несколько столов, за которыми хлопотали девушки, а мужчины занимались большим, мангалом, вокруг которого уже витал аппетитный, сдобренный благородным дымком, запах жареного мяса. Закрепощенность Андрея быстро улетучилась после первого же тоста. Обходительные аборигены, узнав, что он не говорит по-голландски, дружно перешли на английский.

После первого массивного штурма выстроенной на столе крепости из бутылок самого разнообразного происхождения, застолье перешло в неформальное русло. Включили музыку, кто-то пустился танцевать, другие отдали предпочтение купанию, благо, столы стояли в каких-то пяти метрах от узкого песчаного пляжа. Майра властно взяла Андрея за руку и повела по ступенькам в свои апартаменты, находившиеся на втором этаже занятого шумной компанией бунгало.

— Тебе нужно подобрать плавки. — Пршептала она ему на ухо и улыбнулась непосредственно-бесстыдной улыбкой.

Андрей уже понял, что плавки были всего лишь предлогом покинуть суетливое празднество и остаться с ним наедине, однако, он совершенно не видел причин сопротивляться коварному плану своей обольстительницы. В прохладном полумраке зала-студии она молча разделась, бросив белый комок одежды куда-то в сторону, под кресло, и с разбегу растянулась на огромной кровати, глядя оттуда на то, как он нетерпеливыми резкими движениями расстегивает рубашку и стягивает шорты.

* * *

За столом как будто и не заметили их отсутствия и, спустившись на пляж, они сели на свои места, как ни в чем не бывало, сразу включившись в круговорот веселья, которое, правда, значительно прибавило в градусе. Андрей с удовольствием опустошил стакан ледяного джин-тоника и с не меньшим удовольствием обнял Майру, которая с готовностью прильнула к нему горячей упругой грудью. Он чувствовал себя бездомным котом, которого приветила чуть ли не первая встречная незнакомка, и не только потрепала за ухом, но еще и накормила до отвала. Такого плотского довольства он не чувствовал уже несколько месяцев. На берегу его никто не ждал — как-то не складывалось серьезных отношений из мимолетных романчиков на перестоях, а в рейсах далеко не всегда удавалось найти себе подходящую «походную жену». Последние три месяца он как-то заиклился на Сандрин, и она, казалось, выделяла его из остальных, флиртуя всегда на грани, но дальше мимолетных поцелуев дело все как-то не сдвигалось.

Три месяца вынужденного воздержания его прилично утомили, и откровенная бесшабашная приязнь Майры бальзамом легла на измочаленную неопределенностью душу. Вообще, Майру он заужал за умение сконцентрироваться на наиболее важном на настоящий момент,

отрешившись от всего остального. Андрей знал, что она больше года выбивала деньги и готовилась к этой месячной экспедиции. Каждая секунда прошедшего рейса была отмеряна, просчитана и выстрадана ею. Она работала более шестнадцати часов в сутки, кое-как перекусывала на ходу, спала вполглаза, и благодаря этому месячному авралу выжала из экспедиции максимум материала, который она еще несколько лет будет обрабатывать и анализировать в тиши прохладной лаборатории, а по вечерам и в выходные будет развлекаться от души и со вкусом.

А в развлечениях, судя по всему, она знала толк, да и Голландские Антилы были щедры на экзотику. Хорошенько подкрепившись, они оседлали два скутера и целый час летали по бухте наперегонки. Андрей должен был признать, что Майра чувствовала себя на скутере как амазонка на коне. Да и в плотских утехах она была также неистова и искусна. Тонко чувствовала партнера, заводилась сама с полуоборота, и легко заводила Андрея, и теперь уже он пару раз увлекал ее на второй этаж в полумрак студии, чтобы испить до дна этот внезапно упавший ему в руки «сосуд греха», который казался бездонным. Уже стемнело, когда вся шальная компания загрузилась на яхту и направилась в Виллемстад на дискотеку.

Андрей с Майрой, протанцевав без перерыва минут сорок, наконец, в изнеможении плюхнулись в кресла перед круглым стеклянным столом. Расторопный чернокожий официант с очень экзотической внешностью сновал между стойкой бара и столиками, ловко оделяя жаждущих ледяными напитками. Вот он пронесся мимо их столика и, как показалось Андрею, метнул в них двумя блеснувшими радужным отсветом кусками стекла, которые скользнули по столу и остановились точно как по заказу. Перед Майрой оказался высокий стакан с кайпириньей, а перед Андреем пузатый бокал, звякнувший кусочками льда в темно-янтарном полушарии бренди.

— Ну и чертик! Прямо Карибский Фигаро! — Восхищенно сказал Андрей, провожая взглядом неестественно тонкую фигуру официанта.

— Он чемпион среди официантов на Антилах. На него ходят как на артиста, поэтому у него здесь золотой контракт, хозяин с него пылинки сдувает. — Отозвалась Майра, кладя свою тонкую руку поверх его руки.

— Зря ты это. — Андрей освободил руку и сделал большой глоток. — Ты меня снова заведешь, а твой бунгало далеко.

— Неужели тебе не приходилось заниматься

любовью в боевых условиях? — Она улыбнулась, отчего ямочки у нее на щеках обозначились более четко.

— Приходилось. Иногда это было забавно, иногда выходило как-то по-скотски. С тобой я так не хочу. Да и на сегодня мы выбрали лимит, как мне кажется. Четвертый раз будет хуже первых трех — это все испортит.

— Ты эстет. Но, пожалуй, ты прав. Я в принципе не против покувыркаться еще, но это будет уже оргия.

— Я все хотел тебя спросить, ты специально меня выманила с парохода, или это просто случайный импульс. Я не замечал, чтобы ты хоть раз взглянула на меня за целый месяц.

— Не забывай, что я была в темных очках! Глаз я на тебя положила еще тогда, когда вы с Максом приезжали подписывать контракт. Но сам понимаешь, ни тогда, ни в море все равно ничего бы не вышло. Еще и эти ваши с Сандрин телячьи нежности. Я понимала, что если не сделать что-то немедленно, то ты так и останешься на судне. Будешь волочиться за ней, и может быть, добьешься, наконец, своего. А я тоже хотела кусок праздничного пирога для себя. Поэтому и придумала этот трюк с чемоданами и переодеванием. Знала, что ты клюнешь.

— Коварная! Оставила крошку Сандрин без

сладкого. Только вот непонятно, ведь у тебя столько знакомых молодых людей. Все под два метра, подтянутые, рот до ушей. От белизны их зубов куриная слепота начинается!

— Вот поэтому я и не хотела никого из них. Они какие-то кукольные.

— А я чем отличаюсь? Только национальностью.

— Не могу ничего сказать о русском характере вообще, но твой частный случай меня очаровал. — Она вдруг посмотрела куда-то мимо Андрея в гущу танцующих. — А вот и твоя французская куколка. Легка на помине!

* * *

Сандрин подошла к их столику походкой супермодели и остановилась, не дойдя полутора метров, в откровенно вызывающей позе. Ее голубые глаза потемнели от гнева.

— Где ты был? Макс тебя обыскался. Какое-то срочное дело.

— Ну да, конечно, и ты пришла сюда, чтобы сказать мне об этом!

— Почему бы и нет! Макс был очень возбужден, говорил, что дело очень важное. Я сейчас возвращаюсь на корабль, и ты мог бы меня проводить.

— Увы, не могу. У меня тоже очень важное дело, и мы с Майрой как раз занимаемся его обсуждением. — Андрей развязно откинулся в кресле и отпил бренди, причмокивая с удовольствием. — Никто не может отвлекать меня в столь ответственный момент.

— Клоун! — Сандрин не сдавалась. — Так ты не пойдешь? Что передать Максусу?

— Можешь передать пять сотен, которые я ему должен. Я тебе потом отдам. — Андрей начал заводитьсь.

— Может, присядешь, выпьем по коктейлю? — Сказала Майра с улыбкой, пытаясь загасить назревающий скандал.

— По-моему, вы уже так накачались, что мне за вами не угнаться!

— Отнюдь нет! Есть простой русский способ: три капли воды на стакан водки три раза в день. И все! Все будут гнаться за тобой, а тебе будет все равно, догонят, или нет. Можешь начать прямо сейчас.

Сандрин захлебнулась ругательной тирадой, ввиду крайнего возбуждения произнесенной по-французски, потом резко развернулась, чуть не сломав каблук, и быстрым шагом направилась вон из зала.

— Крошка Сандрин показала зубки. Она заявляет на тебя свои права. Может, стоило пойти с

ней? Кажется, она созрела для постели.

— Я не спортсмен, секс для меня не самоцель. Сегодня мне было хорошо с тобой, и не хочется портить впечатление.

— Но мне казалось, что ты очень увлечен ею.

— Скорее — заклинило. Зацепился, словно за колючку, и никак не мог высвободиться. А теперь понимаю, что она на самом деле ненавидит мужчин. Иначе как можно объяснить ее нежелание предаться тому, чему собственно и нужно предаваться в молодые годы, а не мучить себя и других, запутываясь в сетях собственного кокетства. Флирт ведь не самоцель, это разведка боем, пока еще непонятно, годится ли особь противоположного пола тебе в партнеры. Но когда он длится месяцами, это похоже на половой запор — и хочется, да не получается.

— Стереотипы работают на большом ряду, превращаясь в статистику, а каждый конкретный случай нужно рассматривать с учетом индивидуальности. Может у нее такой инкубационный период чувств, или она слишком нерешительна, или когда-то у нее был отрицательный опыт, который ее напугал...

— В общем, множественную регрессию сюда не пришьешь, и спектральным окном не просканируешь. Давай-ка отвлечемся от научной фени. Не пора ли нам занимать места на трибуне?

— Еще целый час. Успеем пропустить по рюмочке. А вот и мой верный Феликс!

* * *

Верным Феликсом оказался нескладный негр на голову выше Андрея с прической под Рууда Гуллита, говоривший на всех языках, использовавшихся на Малых Антилах. Однако в результате понять его было невозможно, так как он тут же скатывался на Папьяменто. Это местный язык, который собственно и являлся смесью голландского, английского, португальского и испанского с примесью африканских наречий и вкраплениями французского, возведенный в ранг официального языка на Кюрасао, Арубе и Бонайре. Феликс остановился у столика, но не сел на свободный стул, ожидая приглашения.

— Знакомься, Андрэ, это Феликс, мой местный коллега.

— Я тоже коллега, но не местный. — Андрей крепко пожал узкую, но на удивление сильную руку патлатого коллеги. — Присаживайтесь к нам.

* * *

Феликс оказался на редкость заводным малым. Он таскал Андрея и Майру из одного бара в

другой, где они непременно с кем-то познакомились, и уж обязательно выпивали. Их компания разрослась до десятка человек, но Андрей уже так набрался, что мечтал только о своей каюте и нескольких часах сна.

На причал его привезли под утро. Кабриолет с почетным эскортом из новых знакомых на трех машинах проехал по всему городу и лихо затормозил у трапа «Нереиды».

— Может, все-таки поедем ко мне? — Спросила она, взяв его за руку.

— Нет. Я не хочу, чтобы ты видела меня с похмелья. А оно мне обеспечено после такого симпозиума.

— Мы увидимся еще?

— Не сомневаюсь. Давай держать связь по интернет.

* * *

Максим ждал его на палубе у входа в надстройку.

— Чего не спишь в такую рань, Макс?

— Я просил вахтенного разбудить, как только ты появишься.

— Надеюсь, не будешь читать мне морали. Я оттянулся на законных основаниях после успешно законченной работы.

— Рад за тебя. А я тут борюсь в одиночку с драконами.

— Значит, Сандрин не соврала. Что еще случилось?

— Работа на Кубе накрылась медным тазом. — Максим досадливо скривил губы. — Подкатил тут ко мне один штатник и застрашал. Сказал, что сотрудничество с режимом Кастро будет рассматриваться соответствующими госструктурами США как недружественный акт и поддержка терроризма в регионе.

— Ну и что? Собака лает, а караван идет. Чего нам их бояться? Ты ведь канадец, а я русский с голландской ксивой.

— Да, только пасемся мы у них в огороде. Я эту кухню давно понял. Им не важно, что мы занимаемся мирной наукой. Главное напакостить кубинцам. Местная ЦРУшная попка, резидент драный, пронюхал о наших договорах с Гаваной и решил выслужиться. Доложил какому-то мелкому шефу, который доработал легенду сочными деталями и представил начальству совершенно явную крамолу, которую нужно пресечь на корню. Болтать надо было меньше.

— Ну и что они могут нам сделать? — Андрей постепенно приходил в себя, быстро перескакивая от одной стадии протрезвления к другой.

— Да все что угодно! Неприятности в портах,

связанные со стоянками, проблемы с топливом и снабжением. В море приставят к нам какой-нибудь сторожевик, который будет крутиться в кабельтове от нас, делая нашу работу невозможной. Когда им приспичит, они становятся прилипчивыми и вонючими как дерьмо. А сейчас, похоже, мы у них в плане, и просто так от них не отвязаться. Если мы пойдем против них, то возможно, что работу с горем пополам сделаем, но дальнейшая наша деятельность здесь станет невозможной.

— Да, я понимаю теперь. И какие предложения? — Андрей чувствовал, как с полным протрезвлением им овладевает безнадежное похмелье. — Нет, о делах потом. У меня сушняк пополам с диким голодом.

— Пошли ко мне в каюту, а я скажу вахтенному, чтобы подогрел что-нибудь на камбузе.

* * *

Андрей выпил залпом поллитровку «Аквариуса» и с жадностью накинулся на гору мяса с овощами, а Максим возился с компьютером, ожидая, пока он насытится и придет в норму.

— Я так рассчитывал на эту работу. Кубинцы хоть и бедные, но за эту программу они отстегивали вполне по-божески. Мы могли выкрутить почти

миллион чистой прибыли и спокойно ставить «Нереиду» в док на профилактику. А теперь все очень даже смутно, особенно при этом кризисе.

— Слушай, я в твою бухгалтерию не лезу, мое дело — наука и техника. Поэтому, объясни мне на пальцах, чем нам это грозит?

— Понимаешь, судно заложено. На свои деньги бизнес не делается. Я беру кредит, покрываю им расходы на обслуживание работ, выплачиваю проценты, получаю прибыль. Дальше я возвращаю кредит, и после этой операции остается чистая прибыль, которую я скирдую в офшоре, чтобы никто не мог блокировать наши счета. Потом все повторяется. Наши деньги я не трогаю, а снова беру кредит. Но эта схема работает только при наличии контрактов — минимум на две полноценных экспедиции в год. Останься мы без работы, и вскоре нам придется проедать свои кровные или продавать бизнес. При нынешнем кризисе это будет трудно. «Нереида» как транспорт, стоит значительно меньше. Продав ее, мы сможем покрыть только часть главного кредита, а потом придется объявлять себя банкротами с вытекающими последствиями. Это все.

— Выглядит малопривлекательно. А теперь, давай, вываливай, что припрятал на черный день!

— Почему ты решил, что я что-то припрятал?

— Ты предусмотрительный, в отличие от

меня. Твой братуха мне рассказывал, как в девяносто седьмом ты исчез из Одессы почти за год до кризиса и до того, как твой бизнес размолодили братки, и добила СБУ. Ведь не с бухты-барухты тебе вдруг приспичило стать канадцем?

— Ты прав. Я тогда почувствовал запах жаренного задолго до того, как развели огонь. Сейчас тоже. Пару вариантов всегда есть в запасе. Но этот особенный. Поэтому его стоит обсудить.

— Излагай.

— Нами заинтересовался один опальный олигарх. Очень заинтересовался. Причем по полной схеме — гидрохимия, биология, гидрология, спецпрограмма по гидрогеологии, нагрузка полная с дополнительным составом.

— А район?

— Знаю только, что Тихий Океан. Тропики.

— Да. Плавали-знаем! По Пасифике можно месяц идти — сплошные тропики и берега не видать.

— Клиент банкует. Через неделю он будет ждать нас на Мартинике, тогда и спросим. Выходим в двенадцать. Если ты, конечно, не против.

— А чего мне быть против? Хотя, пожалуй, это первый выход в море, которому я не рад.

— Что, запал на Майру?

— Не то чтобы очень, но тянет. Да может и не к ней, а вообще.

— Сказал бы, что жениться тебе пора, но это не при нашей работе. Терпи казак...

Глава 2. Золотоискатели

Погода была спокойной, и «Нереида» преодолела пятьсот миль между Кюрасао и Мартиникой за три дня. В Фор-де-Франс решили не заходить, а легли в дрейф в виду порта, чтобы не тратить лишних денег. Для желающих выехать в город спустили катер. Сандрин первой сошла по трапу, не глядя по сторонам. За все три дня перехода она не сказала Андрею ни единого слова, и всякий раз, когда им доводилось столкнуться где-нибудь в узком месте, она пыталась шмыгнуть в сторону или отворачивалась. Для Андрея, ожидавшего неприятных сцен, это стало облегчением, и он полностью погрузился в работу, а ее на судне хватало. Все научное оборудование требовало осмотра, профилактики и тарировки, и он методично шаг за шагом выполнял эту рутину, тщательно заполняя формуляры и делая дополнительные пометки в рабочем журнале

* * *

Максим прибежал в кают-компанию после обеда, довольный как кот, неожиданно

перехвативший жирный кусок на дворовой помойке.

— Все, fratelli in Cristo, живем! Нашлись в этом французском гадюшнике дяденьки с толстыми лопатниками! Фрахтуют нас на десять дней с предоплатой, страховкой и экстра-обслуживанием.

Андрей встрепелся, а капитан Хольм ван дер Лейден даже бровью не повел, упершись взглядом в Виллемстадскую газету недельной давности.

— А что делать? — поинтересовался Андрей.

— Пойдем со мной, все расскажу в каюте. — И обращаясь к капитану, отчеканил. — Мистер ван дер Лейден, нас ждут у шестого причала через два часа. Распорядитесь, пожалуйста.

В каюте у Максима их уже ждал кофе, принесенный стюардом. Они уселись за компьютер, и максим показал Андрею район предполагаемой работы.

— Они хотят обследовать вот эту скалистую банку и обшарить склон вдоль этого рифа. Акваланги, костюмы, всякие хитрые примочки для поиска металла на дне, насосы — все это у них есть. Твоя задача смонтировать все что нужно, проверить их на вшивость, и принять соответствующие меры предосторожности, чтоб они не потонули к черту. Ты остаешься за старшего, а у меня куча дел на берегу.

— Я не справлюсь один!

— Погружениями займутся Уилл и красotka Хедли — как раз по старой памяти она сделает тебе профилактику на передок, чтобы ты не сох по Майре.

— Кончай, а!

— Все, все. А приборами и оборудованием займутся Герман и Вадик. Все летят на одном чартере, возможно будут ждать нас на причале.

— Это наш Вадька, что ли, вернулся? Он же собирался насовсем в Совок.

— Не вынесла тонкая интеллектуальная организация его души пресса родимой помойки. В общем, съехал он с родных пенатов. А нам это только на руку. Такой универсальный технарь на дороге не валяется.

— Ну что ж, с этим ясно, поработаем. А у меня тоже есть для тебя сюрпризик, но не очень приятный. Когда сегодня наша Сандрин умотала, я решил сделать плановую профилактику в гидрохимической. Кроме всего прочего решил проверить комп на вирусы, почистить диск, и нажал на одну иконку на рабочем столе, а это был прямой доступ на ее мыло. Ей богу, я не хотел, просто бросил взгляд, а оторваться уже не смог. Почту нужно держать под замком, а не оставлять без присмотра на казенном компьютере. Да не смотри ты на меня так! Лучше прочти распечатку. Это

быстро вправит тебе мозги.

Максим с отвращением взял со стола несколько страничек и начал читать. Почти сразу его лицо стало меняться. Сначала оно выражало удивление, которое сменилось гневом, и под конец чтения, судя по всему, Максима сковал плотный ступор.

— Так значит, эта смазливая дрянь нас сливала с самого начала! — Наконец заговорил он, стряхнув оцепенение. — Для этого ее нам и подсунули, а Хаасу организовали семейные проблемы. Возможно, тоже заплатили. Уж очень он внезапно осиротил нашу гидрохимию.

— Кстати, а фамилия Остерхаут тебе о чем-то говорит?

— Еще бы, это тот самый ЦРУшник, который меня стращал.

— Я попросил Майру узнать о нем. Оказалось, он на Кюрасао известен как отъявленный аферист и проходимец, а ЦРУ это для него лишь легальное прикрытие. Приработок. Основной доход идет от ловли рыбки в мутной воде.

— Получается, он меня развел. Только зачем?

— А тут мне кажется все ясно. — Андрей посмотрел на Максима заговорщически.

— Ты хочешь сказать, что нас ему заказал этот олигарх?

— А ты как думаешь?

— Очень похоже. Это значит, мы ему нужны позарез, и он решил полностью исключить возможность отказа с нашей стороны. И то, что мы это знаем, дает нам в руки джокера. — Максим просидел с минуту молча, будто забыв о присутствии Андрея.

— Ну что, я пойду? — Решил тот напомнить о себе.

— А? Да, сейчас. Задумался я... Конечно, читать чужую почту нехорошо, но то, что она была на нашем компьютере полностью тебя оправдывает. А если учесть ее содержание...

— Как быть с Сандрин, если она появится?

— Веди себя, как ни в чем не бывало. Можешь даже сделать ей эротический массаж. Так сказать, поглубже внедриться в расположение противника. Специалист она неплохой, а то, что стучит, так и ладно. Будет легче контролировать процесс. А кстати, я знаю, как прижать Остерхауга. Такие типы, если им прищемить бейцалы, готовы на все — мать родную продадут. Если ему предложить приемлемый выход, то он ухватится, я не сомневаюсь.

— А чем ты его прижмешь?

— Оглаской. Разговор ведь шел у меня в каюте. — Максим указал пальцем куда-то вверх, а потом к губам. — Болтун находка для шпиона!

* * *

«Нереида» стояла в какой-то полусотне метров от небольшого кораллового рифа, крепко удерживаемая на месте четырьмя тросами, прикрепленными к облегченным якорям. Накануне экипажу пришлось несколько часов потрудиться, чтобы добиться такого точного положения. Уилл и Хедли тоже поработали, корректируя установку якорей с водолазного бота. Как оказалось, заезжие французы были не обычными искателями сокровищ, а вполне серьезными людьми, проработавшими предварительно огромное количество древних документов и карт, на основе которых была проведена рекогносцировка с помощью современной аппаратуры, и уже по результатам этой работы были определены точки наиболее вероятного нахождения искомого объекта. А искали останки испанского галеона, подвергшегося нападению двух корсаров по пути из Панамы в Испанию. В ожесточенном бою испанцам удалось потопить одно из пиратских судов, а другое, получив серьезные повреждения, затонуло через несколько часов после безуспешных попыток экипажа залатать многочисленные пробоины. Сам галеон, также сильно поврежденный, пытался выброситься на коралловый островок, но не

дотянул совсем немного. Дно вокруг рифа круто уходило в глубину, и утонувшее судно постепенно разваливаясь, сползало по склону, в результате чего его металлические части были разбросаны узкой полосой на глубине от тридцати до шестидесяти метров. На склоне песка и ила почти не было, поэтому организаторы экспедиции надеялись быстро отыскать и поднять все, что представляло какую-либо ценность, но в основном надеялись отыскать груз золота, который по разным оценкам весил более тонны.

— А почему же раньше никто не раскопал эти документы и не искал этот галеон? — Спросил Андрей у белокожей брюнетки с ярко выраженной внешностью обитательниц средиземноморья, которая вела себя как начальница среди этого разномастного сборища кладоискателей — Максим представил ее как Кати, но за беготней не сообщил о ее статусе в общей иерархии.

— Понимаете, Андрэ... Я не ошиблась, вы ведь Андрэ?

— У вас прекрасная память, Кати.

— Спасибо. Так вот. Этот галеон принадлежал не испанской короне, а семье герцогов Борха — испанского ответвления династии знаменитых Борджиа, которые собственно тоже были выходцами из Валенсии. Семейный замок Борха до сих пор стоит в Гандии под Валенсией.

Командовал кораблем Игнасио де Вильянова, отпрыск обедневшей второстепенной ветки Борха, полностью посвятившей себя конкисте и снова разбогатевшей в Новом Свете. Это было семейным делом, поэтому все отчеты о рейсе остались в фамильном архиве.

— И что-то мне подсказывает, что раскопали эти документы именно вы! — Андрей инстинктивно принял стойку токующего глухаря, хотя какой-то особой тяги к Кати не почувствовал. — И рассуждая логически, можно предположить, что вы тоже принадлежите к этой древней династии. Я прав?

— Формально да. Наш род восходит напрямую к Франсиско де Борха, герцогу Гандии, правнуку папы Александра Четвертого. Его, кстати, канонизировали через сто лет после смерти. Но теперь это не важно. — Кати покачала головой, задумчиво глядя в воду. — У нас все так перемешалось, что моя полная фамилия состоит из восьми титулов, которые существуют только в старых манускриптах. Кроме того, я единственный ребенок в семье, и мои дети будут носить фамилию мужа.

— А уже есть такой счастливчик?

— Пока нет даже в проекте, но, я думаю, он будет без родословной. Все аристократы, каких я знаю, вырожденцы, жертвы родовой селекции,

заплесневевшие говорящие куклы. Наверяд ли мне захочется с кем-то из них связать судьбу.

— Главное, чтобы вы и ваши дети были счастливы, а застарелые ярлыки — это мелочи.

— Не скажите. Мое происхождение определило и род моих занятий.

— И чему же вы себя посвятили?

— Так получилось, что наша семья владеет большей частью архива Борха-Борджиа и других древних фамилий, и я с детства разбирала с дедом древние документы, систематизировала, классифицировала их, составляя реестры по годам, по именам, по событиям. Когда дед умер, я осталась единственной хранительницей архива. Родителям это было неинтересно.

— Насколько я понял, вы стали историком?

— Да. Разбираясь в истории семьи, я была вынуждена разобраться и в общественно-политической среде, неотъемлемой частью и творцом которой она была волею судьбы. В обычной семье редко ведутся записи, да и записывать зачастую нечего, в то время как в такой семье как наша ежедневно происходили какие-то события, тут же становившиеся частью европейской и мировой истории.

— Понятно. — Сказал Андрей, рассеянно глядя на собеседницу.

— Надеюсь, Андрэ, вы не обиделись? Каждый

человек творит историю, только по-своему.

— Нет, я просто вам позавидовал. Я и о дедах не так много знаю, а о прадедах вообще имею слабое представление. А у вас тысячелетняя история тщательно записана, задокументирована. Если бы не океанология, я бы тоже занялся историей. — Андрей встряхнулся, и в глазах его снова заиграл охотничий азарт. — С вами очень интересно, Кати. Вы не против, если мы с вами пообщаемся поближе. О работе вам беспокоиться не стоит. Я держу процесс под контролем, и можете не сомневаться, сделаю все, чтобы вы смогли проводить больше времени со мной.

— Как вы изящно перешли в атаку, Андрэ. Честно говоря, я просто очарована вашим судном, экипажем, и вами, поэтому не вижу никаких зацепок, для того чтобы вас отшить. — Она улыбнулась и прикоснулась пальцами к щеке Андрея. — Получилось не очень аристократично, но искренне.

— Искренность женщины уже сама по себе возбуждает.

— И что же мы будем делать с вашим возбуждением?

— Для начала охладим. Предлагаю нырнуть вдвоем и обследовать район работ.

— Вы прекрасно начинаете. Первый раз мне назначают свидание под водой.

* * *

Они парили в неестественно синей воде между играющей бликами солнца поверхностью и бугристым коралловым склоном, круто уходящим вниз, на запредельную для аквалангиста глубину. Дно колыхалось размытыми светло-голубыми отсветами, будто живое. Андрей шел слева и чуть сзади, дав Кати полную свободу действий, исподволь оценивая ее практические навыки. Судя по всему, она имела некоторый опыт в подводном плавании, так как держала руки перед собой, и вытянувшись в струнку, мягко работала ногами, почти не сгибая их в коленях. Андрей был мастером спорта по скоростному подводному плаванию, и его всегда коробило, когда он видел, как бородатые дядьки с озабоченными лицами исполняли корявые танцы умирающей лягушки на фоне роскошных декораций тропических морей. Любой пловец знает, что при плавании в ластах руки лишь мешают движению. Кроме того, он терпеть не мог горе-ныряльщиков в запотевших масках, а также в масках, по глаза заполненных водой. Это были первые признаки непрофессионализма, который при соприкосновении с «ближним космосом» — морской глубиной — мог привести к непоправимым последствиям. Поэтому Андрей не

изменил себе и в этот раз и, несмотря на недовольство и протесты, провел тестовые погружения и «ликбез» для всех французов без исключения. Кати в это время была на берегу и не попала под проверку, и теперь у Андрея была возможность приглядеться к ней получше, не раня ее самолюбие. Он обратил также внимание, что дышала она размеренно, хотя и несколько чаще, чем он сам, но за ней не тянулся непрерывный шлейф пузырей, по которому легко определить новичка, способного создать проблемы.

Они опустились до глубины тридцати метров, где в тени корпуса «Нереиды» копошились трое аквалангистов, расковыривая коралловый панцирь, скрывавший за пятивековыми известковыми наслоениями сохранившиеся металлические части галеона «Ана Исабель». Двое других ныряльщиков работали чуть ниже. Один сновал галсами в пределах помеченного красными лентами прямоугольника, держа в руках крылатый прибор — детектор металла, а другой помечал нужные места небольшими желто-красными буйками на коротких поводках. Вверху, над всей этой суетой изгибался в лучах солнца изящный силуэт Хедли, профессиональной ныряльщицы и в данный момент дежурного ангела-хранителя окрестностей.

Стаи ярких разноцветных рыб самых невероятных форм, совершенно не обращая

внимания на пловцов, сновали мимо по своим делам. Придонная жизнь тоже не отличалась пассивностью. Крабы, креветки, лангусты, различного рода полихеты², а также мурены и другие рыбы, предпочитающие тенистые коралловые кущи открытой воде, занимались своей повседневной деятельностью — охотой друг на друга. Разноцветные актинии размахивали в такт движениям воды своими роскошными плюмажами, которые мгновенно прятались в известковые трубочки, почуяв приближение потенциального хищника, каким здесь являлся каждый первый. Огромная тень медленно ощупала дно, и через несколько мгновений из синей бесконечности появилось, будто материализовавшись из пустоты, существо, которое ее отбрасывало. Это была гигантская манта³. Она хоть и родственник акуле, но животное совершенно безобидное, тем не менее, выглядящее угрожающе из-за своих размеров и рогов по бокам рта, которые послужили основой для другого ее имени — морской дьявол.

Андрей тронул Кати за ногу, и когда она

---

² Морские черви.

³ По-испански название этой рыбы Manta означает — «Одеяло» (авт.).

обернулась, указал в направлении неожиданного гостя. Они не спеша приблизились к рыбе на расстояние протянутой руки, зависнув перед ее головой, так что каждый из ее широко расставленных безжизненных глаз смотрел в зеркало маски. Манта не двинулась с места, даже не пошевелилась, пристально глядя в блестящую поверхность стекла маски. Андрей давно заметил, еще когда активно занимался подводной охотой, что маска каким-то образом гипнотизирует рыбу, будто притягивая ее к себе. Он слегка коснулся шершавой спины рыбы. Она мягко, нехотя, отодвинулась на десять сантиметров, и снова зависла. Кати коснулась ее с другой стороны, и рыба также мягко отклонилась в сторону Андрея. Такой пинг-понг продолжался с минуту, пока рыбина не исчерпала своего терпения и, не теряя достоинства, величественно удалилась восвояси.

Акула появилась как обычно — совершенно неожиданно. Хотя она без сомнения все время была где-то поблизости, и возможно, не одна, ведь любые колебания воды на очень большом расстоянии немедленно улавливаются ее «средним ухом» — цепочками датчиков, расположенных вдоль всего тела по бокам. Услышав шум, особенно хаотический, несвойственный для местных условий, она устремляется туда, чтобы выяснить, в чем дело. Андрей находил много общего в

поведении акул и разного рода двуногих мошенников. И тех, и других привлекают шумные, густонаселенные места, где вдобавок присутствует неразбериха, вызванная какой-то внешней силой. Как жулики облюбовывают вокзалы, рынки, крупные торговые центры, места скопления туристов и отдыхающих, так и акулы всегда пасутся неподалеку от рифов, рядом с прибойной зоной и устьями рек, у мест массового перемещения косяков рыб, кальмаров, тюленей, ну и разумеется, у очагов человеческой активности, где посторонний шум и движение отвлекают обитателей и делают их легкой добычей. Вопреки сложившемуся представлению о ее повадках акула не видит в человеке потенциальную жертву, и не станет нападать с бухты-барахты. Другое дело, если человек ранен, или рядом с ним находится раненое животное, например, рыба на кукане у подводного охотника. Тогда акула может вести себя агрессивно, причинить вред, или даже убить. В общем, акулу нужно опасаться, как заряженного оружия или автомобиля, хотя на самом деле, автомобиль намного опаснее.

Андрей с удовлетворением отметил, как быстро среагировала Хедли. Наверно, она сверху увидела акулу раньше, и тут же начала быстро погружаться, идя наперерез хищнику. Андрей тоже пустился ей на помощь, дав знак Кати оставаться на

месте. Акула попалась любопытная и упрямая. Пользуясь преимуществом в скорости и маневренности, она все норовила прорваться туда, где в облаке мути копошились трое кладоискателей. Хедли перекрывала ей дорогу, пытаясь дотянуться до нее длинным металлическим стержнем с наконечником-шприцем на конце. Это вполне действенное средство, которое сразу отбивает у акулы охоту порезвиться вокруг, а ту, что послабее, может выключить на некоторое время, или даже навсегда.

Акула увернулась очередной раз от стержня и, метнувшись в сторону, завернула большую дугу, обходя Хедли с фланга. Андрей прикинул ее возможную траекторию, и быстро переместился так, чтобы устроить шалунье засаду. Он остановился возле мертвого коралла и замер, вытянув правую руку вперед и положив орудие на другой коралл на уровне пояса. И все равно, акула застала его врасплох, появившись совсем рядом на большой скорости. Он только успел поднять руку и ткнуть стержнем куда-то ниже спинного плавника. Послышался щелчок, это при нажиме на наконечник сработала система впрыскивания «лекарства», и серая бестия завертелась волчком, мимоходом хлестнув Андрея хвостом по левому предплечью, растворилась в синей толще также внезапно, как и появилась. Мелкая стычка была

выиграна. Андрей показал Хедли, что можно возвращаться на пост, а сам снова присоединился к Кати, чтобы продолжить подводный променад.

* * *

— Вы совсем не боитесь акул? — Спросила Кати, когда они снимали снаряжения на привязанном у трапа плоту.

— Я их опасаюсь. Но это не самое страшное в море.

— А чего же нужно бояться больше всего?

— Любая стихия сама по себе несовместима с хрупкой человеческой жизнью, поэтому лучше всего держаться подальше от гор, моря, бурных рек и экстремальных развлечений, но если уж вы решили связаться со стихией, то бойтесь дураков и любителей, считающих себя профи. Это уже дурость в квадрате.

— Я не обидчивая, но мне показалось, что какая-то часть вашего утверждения относится ко мне.

— В принципе, и к вам. Хотя вы лично относитесь к людям, с которыми можно начинать серьезное дело. Здравомыслящая молодая женщина, с нормальными реакциями, физически хорошо подготовленная, и конечно, умеющая логически мыслить и докопаться до сути. Кроме того, волевая

и мотивированная, но признающая авторитеты. Я что-то упустил?

— Почти ничего. Некоторые мелкие детали. — Она с интересом разглядывала его, совершенно без стеснения. — Все это вы успели прочитать в моих грациозных движениях лапами?

— Отчасти. Но в первую очередь бросилось в глаза наличие прекрасной фигуры, ну и тонкая сексуальность ее владелицы.

— Меня поражает ваша обезоруживающая прямота. Ваши намерения совершенно прозрачны, и я, как воспитанная девушка, должна была бы как-то сопротивляться, поставить вас на место. Но тут как раз не могу найти мотивацию.

— Ну зачем же насиловать себя? Это вредно во всех смыслах. Трансформаторы перегреются. Вполне достаточно сказать о том, что вы привержены целомудрию. Но ведь такой тонкий нравственный механизм не всегда срабатывает!

— Ты просто прелесть! Ничего, что я перешла на Ты?

— Это не самое плохое в отношениях мужчины и женщины. — Он накрыл ее ладонь своей рукой и крепко сжал пальцы. Ответное ее пожатие было неуверенным, но обещающим.

— На правах хозяина приглашаю тебя к себе в каюту на кофе, чай, шампанское с икрой, свиную грудинку. В общем, там решим, что нам больше по

вкусу.

— Но мне нужно сначала принять душ!

— У меня особая душевая кабинка с гидромассажем. Мы вполне там поместимся вдвоем.

— Ты все-таки нахал! — Она вспыхнула, отдернула руку, вскочила на трап и пружинисто взбежала по нему, сверкая светлыми пятками.

«Облом!» — Подумал Андрей. — «Пожалуй, слегка пережал с развязностью. Хотя, мне кажется, я хотел, чтобы она убежала».

Однако, когда он, накинув на голое тело халат, сидел в своей каюте и просматривал сообщения на компьютере, в дверь постучали.

— Entrez! — Отозвался он по-французски, будучи уверенным, что это кто-то из гостей, так как давно приучил экипаж не приходить в каюту, а решать все вопросы по телефону.

Это была Кати. Ее белое тело, оттененное голубым, мало что прикрывавшим сарафаном, казалось еще более притягательным, чем в купальнике.

— Ты знаешь французский? — Спросила она, в неуверенности остановившись в дверях.

— Несколько расхожих слов. — Ответил Андрей, упругим прыжком оказавшись рядом с ней, одной рукой закрывая дверь, а другой увлекая ее внутрь, и крепко обнял за талию. — Сейчас мы

поговорим на универсальном языке.

Он прижал ее к двери своим телом, потом, засунув руку под сарафан, сжал ее ягодицу, провел ладонью по прохладному животу, скользнул в пах, чувствуя, как она вся напряглась и, не задерживая руку, провел пальцами по внутренней стороне бедра.

— Пойдем, сядем. — Сказал он, отпустив ее талию, и увлек за руку вглубь каюты к просторному кожаному дивану.

— А вдруг я по делу? — Спросила она, усаживаясь у него на коленях, и озорно улыбаясь. — Или ты всем женщинам, которые к тебе заходят, сразу лезешь под юбку?

— Ко мне никто не приходит без приглашения, а с теми, кто осмеливается на это, я считаю себя вправе поступать согласно внутренним правилам этой каюты.

— И какие же это правила?

— Первое — гостья не должна иметь на себе никакой одежды. — Сказал он, опуская тонкие тесемки сарафана и обнажая ее грудь. — Вот так лучше.

— А дальше?

— Какая ты торопливая! А дальше зов природы, который не заставит себя ждать! — Он легко поднял ее и понес в спальню, зиявшую прохладным сумраком в другом конце салона.

* * *

— Ну, ты штопарь-передвижник! — Воскликнул Макс, проводив взглядом Кати, с достоинством, не взирая на беспорядок в одежде, продефилировавшую из спальни к выходу. — Сразу видна порода! И все же ты мне элитного клиента не замай!

— Сам распугаешь аристократов. Должен же я как-то вознаградить себя за рвение на работе.

— Проще надо быть. У меня не аристократка, но зато три раза в неделю как по часам. Или брезгуешь буфетчицами?

— Вот когда женюсь, тогда перейду на персонал, а пока не наступай на горло моей песне. И вообще, мог бы постучаться.

— Когда это я стучался к тебе? Я и так два часа прождал, после того как она вошла. Работа не ждет. Да и дела серьезные заворачиваются! Надеюсь, ты удовлетворил золотоискательницу по всему прејскуранту?

— Все включено!

— Ну и ладушки! А я вот что в клювике принес, слушай!

— Излагай!

— Уломал я Остерхауга. Он все мне вывалил о клиенте и обещал закрыть глаза, если мы

оборудуем для работы с кубинцами другое судно.

— Не пойму, к чему ты клонишь? — Андрей поставил на стол чашки и разлил кофе из переставшей ворковать кофеварки.

— А вот к чему. Завтра приезжает клиент. Он решил развести нас, а теперь мы будем его разводить по всем правилам одесского гешефта. Типа сорок и сорок — рупь сорок, и сорок — два сорок, чай не брали — три сорок в кассу!

— Не совсем понимаю, если мы пойдем на Кубу на другом судне, то что будет с «Нереидой»? На ремонт? И что с олигархом? Намутил ты!

— На первый взгляд — да! А если мы разделимся, то все сразу становится на свои места. Верно!

— Ну ты комбинатор! — Андрей смотрел на Максима с восхищением. — Только кто на запад, а кто в другую сторону?

— Вот как раз об этом я и хотел поговорить. Мы должны быть готовы к переговорам с клиентом. Я хочу выторговать время, чтобы Кати со своими обалдуями докопалась до сути. Она в восторге от нашей скорлупки и от тебя особенно. Просит еще неделю. Но учти, я предлагаю, ты отказываешься или соглашаешься. Без обид.

— Да не тяни ты кота за яйца! Расшаркиваешься как интеллигент-девственник. Режь!

— Исхожу из логики и целесообразности. Куба — это наш задний двор. Любой вопрос можно решить оперативно. А что будет в Тихом океане — неизвестно. Ты экспедиционер от бога, тебе и лямку тянуть, а я на Кубе как-нибудь справлюсь. Вот такая арифметика!

— Действительно, арифметика. Не подкопаешься. — Андрей пожал плечами и усмехнулся. — Кроме того, ты семейный — единственный кормилец.

— Пока это только гипотеза. Можно ведь не жадничать, а отправить «Нереиду» в док, и спокойно идти на Кубу вдвоем. Останемся при своих.

— Кто не рискует... Мне и самому интересно стало. Только нужно все обмозговать, безопасность обеспечить и подготовиться тщательно. Предвидеть все, даже непредвиденное...

— Вот и ладненько! Вижу, ты завелся. Мозгуй! А я полетел на Мартинику. Завтра вернусь с клиентом.

Уже в дверях Макс повернулся и с ехидцей спросил:

— Может Катеньку позвать? Чтобы думалось лучше.

— Вали уже! Сам разберусь. — Огрызнулся Андрей, и как только за Максимом закрылась дверь, поднял трубку судового телефона и набрал

номер каюты Кати.

— Слушаю. — Послышался в трубке ее несколько хрипловатый голос.

— Кати, это я. Хотел извиниться за моего компаньона. Очень спешные дела. Кстати, касающиеся и ваших изысканий.

— Да, я понимаю. Я видела, как он спешно улетел на вертолете. — В ее голосе Андрей не услышал раздражения, поэтому решил закинуть пробный шар.

— Мне кажется, мы не договорили. Я хотел бы пригласить тебя на ужин.

— А мы разве разговаривали? — Засмеялась она.

— Ну и разговаривали тоже. По-моему, неплохо получалось.

— Я приду. Во сколько?

— Как тебе удобнее. Например, в девять.

— Отлично! Это мое любимое время для ужина.

Глава 3. Белокурая амазонка

Кати ушла от Андрея с первыми лучами солнца. Она осторожно выскользнула из его объятий и быстро накинула свое полупрозрачное платье. Андрей тут же проснулся. Он мягко взял ее за руку и притянул к себе.

— Еще рано, останься! — Прошептал он, целуя ее в шею.

— Я думала, ты спишь. — Она поцеловала его в губы и отстранилась. — Мы и так за один день пробежали месячную программу. Мне нужно поспать и подготовиться к программе второго месяца. Закроюсь и отключу телефон. А вечером ты у меня. Хорошо?

— И не уговаривай! Я согласен.

Когда она ушла, он полежал еще немного, но сна не было, хотя он едва поспал пару часов. Резко вскочив, Андрей пошел в душ и долго стоял под колкими струйками прохладной воды, бьющим со всех сторон. «Угадал я с кабинкой. Здорово тонизирует». Растершись насухо мохнатым полотенцем, он одел шорты, футболку и вышел босиком на верхнюю палубу, где пробежался несколько кругов вокруг рубки и сделал получасовую зарядку, завершив ее заплывом вокруг своего разнообразного хозяйства.

* * *

Яхта появилась после завтрака. Она сделала широкую циркуляцию вокруг атолла и «Нереиды», и лихо пришвартовалась к плоту, привязанному к площадке трапа. Андрей рассмотрел в рубке неуклюжую фигуру Максима и стоявшего у

штурвала индивидуума с благородной сединой, металлом проглядывавшей в гриве волос, обрамлявших породистое, несколько надменное лицо. Не спряталась от его внимания и хрупкая девичья фигурка, замершая в живописной позе у леера на корме яхты. Он спустился на главную палубу и стал ждать, пока делегация поднимется на борт.

— Это наш руководитель экспедиции, Андрей Владимирович Буланин. — Представил его поднявшийся первым Максим, идущему за ним седовласому гостю.

— Вересов, Петр Никитич. — Андрей с удовлетворением отметил крепкое рукопожатие олигарха. Теперь он рассмотрел гостя и не нашел в его лице и следа чванливого высокомерия, являвшегося в большинстве случаев визиткой людей этой касты. В глазах его читалась некая отрешенность, безразличие к окружающему и даже какая-то обреченность человека, уже знающего день и час своей смерти. Андрей и представить себе не мог, насколько его физиономические выводы были близки к истине.

— А это... — Максим запнулся, указывая на спутницу Вересова — небесное создание, божественную пастушку, вспорхнувшую на палубу вслед за своим «папиком».

— Серафима, или просто Сима. — Пришла

ему на помощь обладательница красного бикини, схватывавшего тонкими тесемками ее загорелое, ловкое тело, будто выточенное из маренного дерева. У Андрея аж челюсти свело от внезапного прилива тестостерона. Он нерешительно взял ее тонкую руку, и прикосновение мягкой сухой ладони окончательно парализовало его волю. Она отняла руку и снова заговорила успокаивающим тоном.

— Ничего, Андрюша, это скоро пройдет. Большинство мужчин так реагируют. Вы поймете, что я недалекая, бесчувственная кукла. — Она бросила в сторону Вересова, косой мстительный взгляд. — Я ничего не умею кроме как невпопад раздвигать ноги...

— Давай без сцен, Серафима! Мы здесь по делу! — Было видно, что между ними тлели угольки недавней ссоры, и они не упускали возможности вставить шпильку где нужно и не нужно.

— Ничего страшного Петр Елпидифорыч! — Андрея почему-то автоматически занял сторону девушки. — И вы, Симочка, не наговаривайте на себя. В моем лице вы найдете стойкого приверженца этого весьма полезного упражнения. И...

— Никитич. — Сказал Вересов, прерывая тираду Андрея.

— Что, извиняюсь?

— Меня зовут Петр Никитич! — Голос олигарха зазвучал металлом.

— Ах да, простите! У меня скверная память на имена, а на отчества и того хуже!

— Нам сюда! — Заторопился Макс, пытаясь вывести ситуацию из словесного тупика.

— Серафима, останься здесь. — Бросил на ходу Вересов.

— Да, Сима, вам будет неинтересно. Мы будем торговаться как барыги на одесском Привозе. — Сказал Андрей. — Вон, видите эту дверь. Это радиорубка, там скучает наш повелитель эфира, Александр свет Василич. Он выполнит любое ваше пожелание. Идите, не стесняйтесь.

* * *

— Итак, господин Вересов, подытожим все сказанное вами.

Андрей перешел на официальный тон, изобразив на лице безнадежный скепсис. По сценарию его деструктивное начало должно было подготовить клиента к более открытому диалогу, и перевести его требовательный мажор в просительную тональность. На этот раз даже притворяться не пришлось — условия, предложенные Вересовым, были совершенно

неприемлемы.

— Смотрите сами. Вы фрахтуете судно, заказываете широкую научную программу, но при этом не говорите ни о районе работ, ни об их характере, ни о целях. Кроме того, вы хотите присвоить себе исключительные права в том, что касается управления судном. Никакой контракт не может отменить действующее морское законодательство, согласно которому в море только капитан имеет всю полноту власти. Хотя и в рамках стратегии, определенной судовладельцем, но только он имеет право принимать тактические решения по управлению судном и экипажем, и он же представляет на судне государственную власть во всех ее проявлениях. Мы не потерпим никаких вмешательств в наши дела. Никакого оружия, никакой посторонней охраны на судне быть не может. Только судовладелец с капитаном определяет состав экипажа, его права и обязанности. Кроме того, ваше требование о наличии вооруженной охраны наводит на мысль о том, что предприятие не видится вам таким уж безопасным. А рисковать чужими жизнями мы не собираемся. Я не говорю уже о вопросах логистики. Мы заранее должны знать маршрут, чтобы спланировать заходы в порты для дозаправки, пополнения запасов провизии и пресной воды.

— Что ты предлагаешь, Андрей? — Спросил

Макс, нервно теребя ворот рубашки. Согласно принятой легенде он ничего не понимал в управлении экспедицией, и во всем доверялся Андрею. Тот в свою очередь оставлял весь менеджмент на откуп Максиму. Собственно, так оно и было, просто они выпячивали это разделение труда, подчеркивая абсолютность своих решений в соответствующей области.

— Предварительно, я предлагаю отказаться от этого контракта, тем более что его выгодность для нас так и не была озвучена. Если дело пойдет на принцип, то я не премину воспользоваться своим правом вето. — Он встал и направился к двери. — Вынужден откланяться. Очень много работы.

Выйдя на палубу, Андрей обошел судно, ища Серафиму. Он был уверен, что Максим сам доведет клиента до нужной кондиции, поэтому можно было немного расслабиться в обществе, приятном во всех отношениях. Серафиму с Василичем он обнаружил на корме. У них, похоже, было полное согласие и единение душ. Девушка очень ловко управлялась со спиннингом, при этом даже столь несвойственное для женщины и прозаическое занятие она превращала в эротическую пантомиму. В каждом ее движении сквозила природная грация и уверенность в себе. Вот она, приподнявшись на носочках, свесилась через леер, выписывая согнувшимся в дугу спиннингом сложные фигуры.

Видимо, уже не раз поставленный на место Василич, не пытался вмешиваться, а лишь напряженно следил за действиями девушки. Наконец она вывела рыбу из-под корпуса судна и приступила к самой решительной фазе — подъему неистово бьющейся добычи на борт. Усилие не портило ее, а лишь добавляло ее образу новые черты. Лицо ее приобрело жесткое, даже несколько хищное выражение. Это было похоже на какую-то доисторическую сцену добывания пищи женщиной из племени мумба-юмба. Еще одно резкое движение, и огромная золотисто-голубая корифена, блеснув мокрым боком, громко шлепнулась о палубу. Серафима издала боевой клич упомянутого племени, а Василич с неожиданной для его комплекции резвостью бросился с ножом на рыбину, чтобы укротить ее буйный нрав.

— Зарисовки времен матриархата. Она ловила рыбу, а он ее жарил. — Изрек Андрей с несвойственной для него бравадой в голосе.

— Обычно за пошлостью мужчины прячут растерянность и нерешительность. Будьте проще, Андрюша. Расслабьтесь.

Она стала на колени на залитую кровью палубу, двумя пальцами поддела под жабры уже затихшую рыбину и подняла ее над головой. «Девочка с характером. Понятно, почему Вересов везде таскает ее с собой». Действительно,

Серафима будто светилась изнутри от переизбытка энергии. Причем, это испачканное кровью тело и поднятая над головой добыча не казались сыгранной на публику эпатажной сценой. Наоборот, во всем этом таился какой-то особый первобытный смысл, древний ритуал благодарения богам за удачную охоту. Андрей как-то сразу раскрепостился. Где-то в мозгу повернулись какие-то диски, щелкнули какие-то реле, сработали декодеры, и эмоциональный контакт с этим инопланетным существом был налажен на уровне подсознания. Ему показалось, будто перед ним стоит пацанка из соседнего двора, с которой они знакомы много лет, которую он понимал и поэтому, немного опасался.

— Извини, Сима. Кораблятская жизнь не прибавляет мозгов. Вялотекущая тоска среди до боли знакомых физиономий, которые уже не замечаешь, как мебель. А уж новая женщина на борту — это приравняется к параду королевской гвардии в день шестисотлетия граненого стакана.

— Ты болтун, Андрей. А я между тем успела заметить, что женским вниманием ты здесь не обделен. — Она поднялась с колен и, не глядя в сторону Василича, вытянула руку с уловом в его сторону. Тот ловко перехватил рыбу, будто ожидал этого.

— Как желаете, Серафима Филипповна,

запечь, поджарить, или закоптить? — Немногословный Василич видимо был на подъеме — за месяцы их совместной работы Андрей не слышал от него фразы, состоявшей более чем из трех слов.

— Запечь с картошкой и овощами! — Уверенно сказала Сима, при этом аккуратно сматывая спиннинг и ставя его в одну из труб, специально приваренных Василичем к леерному ограждению на корме.

— Что ты имеешь в виду? — Продолжил Андрей прерванный разговор.

— Я? Ах, да! Я успела заметить, что вон та блондинка, и вон та брюнетка, наблюдают за нами с нескрываемой ревностью. И обе — ничего.

Андрей мельком окинул взглядом палубу мостика и надстройку, и заметил наверху выглядывавшую из метеопоста Сандрин. Кати стояла на другом конце главной палубы, облокотившись на пиллерс, и краем глаза поглядывала в их сторону.

— А, понятно! Это редкий подарок судьбы в череде пустых будней. Обычно скорее пусто, чем густо. Пойдем, искупаемся?

— Идем.

* * *

Между тем в каюте у Макса шло бесшумное, но нешуточное сражение. На кону стояли миллионы, которые гость постепенно уступал под натиском доводов хозяина. Ясно было, что Вересов не собирался отступать от своего плана, несмотря на ее дороговизну и трудоемкость. Макс дал ему четко понять, что слова Андрея об отказе не были пустой болтовней.

— Как видите, я вам изложил лишь финансовую сторону дела. И тут еще не все ясно. Но остаются претензии Андрея Владимировича, которые тоже нужно учесть. Он ни за что не пойдет на компромиссы в вопросах безопасности и технического обеспечения. Кроме того, нам не очень понравились ваши подковерные движения с Остерхаутом. Мы преодолели возникшие в связи с этим проблемы, но остался неприятный осадок. Это сильно мешает построить между нами прозрачные партнерские отношения.

Вересов глянул на Максима с удивлением.

— Что-то я вас не пойму, Максим Валерьянович. О каких махинациях идет речь? Я не представляю кто такой этот ваш э-э...

— Остерхаут.

— Остерхаут... — Вересов задумался. — Это имя я слышу впервые.

— А он очень много рассказывал о вас. На него вышел ваш представитель и предложил

серьезную сумму за то, чтобы он сорвал запланированные нами работы на Кубе и вынудил нас ухватиться за предложенную вами экспедицию. Благо, нам удалось вовремя раскусить его махинации и принять меры.

— Нет, нет и нет! Поймите вы, Максим, я не знаю никакого Остерхаута, и никого не посылал к нему. Информацию о вас мне дал один океанолог из Питера. Я навел справки о вас и написал вам, как только получил хвалебные отзывы о вашей работе. Это все. То-то Андрей Владимирович встретил меня с неприкрытой неприязнью. Теперь понятно...

— Тогда я не понимаю. — Теперь Максиму пришлось надеть удивленно-растерянную мину. Он не верил словам Вересова в полной мере, хотя его поведение казалось искренним. — В таком случае, это осложняет дело. Гораздо проще было бы, если бы эта провокация была плодом вашего неумного желания во что бы то ни стало добиться нашего согласия на экспедицию. Теперь выходит, что кто-то еще остро заинтересован в ее проведении, и его цели нам непонятны, а судя по методам, этот кто-то не очень разборчив в средствах. Мы не можем играть в темную с призраками. Это судно — дело всей моей жизни. Я имею клиентуру и доброе имя. Фантастических гонораров мы не получаем, но и не бедствуем. Хватает и на хлеб, и на масло, и на фонтан с лебедями. Поставить все это на карту ради

ваших призрачных интересов, подвергнуть риску людей — это исключено. Давайте-ка, разберитесь в ситуации и будьте с нами более откровенны. Время пока есть. Французы просят еще неделю, и я не вижу оснований им отказывать. А с вами мы можем начать сотрудничество независимо от этой работы. Вся подготовка будет происходить в порту, нужно нанять склад, мастерскую, подвезти оборудование, связаться со специалистами. Но все это мы начнем только тогда, когда возникнет полная ясность, и наши счета получат соответствующее наполнение. А пока давайте прервемся. Можете отдохнуть, пообедать, осмотреть судно...

— Вы меня озадачили, Максим. Нам действительно стоит прерваться. Мне придется связаться кое с кем и разобраться в этой головоломке. Я также обещаю сегодня вечером рассказать вам все, по возможности, конечно. А пока не откажусь от кофе.

* * *

После купания они выбрались на плот, и их распластанные на теплом дереве тела быстро обсыхали под набирающим силу солнцем.

— А твои женщины все подглядывают за нами. Даже отсюда видно, как злится блондинка. — Серафима подвинулась ближе к Андрею и

положила руку ему на плечо. — А что если я их подзадорю немного?

— Они вовсе не мои. Блондинка как раз и злится, что не моя. Она так долго ломалась, что осталась на бобах. А брюнетка не совсем в моем вкусе, хотя в пикантности ей не откажешь.

— Но ведь у тебя с ней что-то было? Я это сразу поняла, как увидела ее взгляд.

— Глазастая ты. Она, понимаешь ли, герцогиня Борджиа, ну или что-то в этом роде. Не мог же я пропустить такой шанс. Когда еще попадетесь столь благородная дама.

— Так-таки и герцогиня?

— Насчет титула я не уверен, но она прямой потомок испанских Борха-Борджиа.

— Я тебе скажу, что эти Борджиа здорово свинячили по жизни. Я в книжке читала. А я в твоём вкусе?

— Не знаю. От тестостерона голова пухнет. Теперь мне так и лежать на животе, чтоб не позориться. — Андрей приблизил свое лицо к ее лицу и заглянул в ее темные большие глаза, в которых плясали озорные чертики. — Удивляюсь я, где папики находят столь совершенную натуру? Мне такую девчонку в жизнь не встретить.

— Но ты же меня встретил! И насчет нас ты ошибаешься. Я не его подстилка, а партнер. Иногда я сплю с ним. Но это мой выбор. Он довольствуется

тем, что дают. Я не бросаю его, потому что он мне заменил отца и был со мной честен. Сейчас ему трудно, и я считаю своим долгом поддержать его... Что ты молчишь?

— Пытаюсь переварить информацию.

— И как?

— Не получается. — Он погладил ее по волосам. — Странно, ты вроде натуральная блондинка, а глаза карие.

— Порода! Так отец говорил. А хочешь, я расскажу тебе мою историю? Об этом мало кто знает, и я никому не рассказываю.

— А почему хочешь рассказать мне? Ты меня совсем не знаешь.

— Я хоть и молода, но разбираюсь в людях. Ты еще младенец, но настоящий, без фальши. И красивый. — Она придвинулась ближе и обняла его за плечи. — Так вот. Мой отец начинал с Петром. Они были друзьями и вместе пошли в бизнес. Естественно, о белых перчатках тогда и не мечтали. На них наезжали, они отбивались и сами наезжали на других. В общем, все по законам жанра. Но однажды их подкараулили, когда они с женами поехали на дачу на шашлыки. Пальнули несколько раз из гранатомета. Охрана ничего не могла сделать. Моего отца и мачеху вообще изрешетило осколками, а он с женой шел к столу с мясом и посудой, их задело меньше, но тоже хватило. Она

умерла в больнице, а его спасли. Весь залатанный, как плюшевый мишка.

— Какой мишка?

— Да это у меня был любимый плюшевый мишка, мой ровесник. Он уже весь протерся, а я все штопала его... Мне тогда было четырнадцать. По завещанию отца Петр стал моим опекуном. Бизнес он удержал, а когда мне исполнилось восемнадцать, перевел половину отца на мое имя и ввел меня в курс дела. За четыре года он удвоил активы.

— И что, он к тебе приставал?

— У кого что болит... Как ни странно, но нет. Хотя он по натуре беспредельщик, но меня не трогал, хотя ревновал страшно. Я видела, как он на меня смотрел исподтишка, но терпел, сцепив зубы. Тогда я решила, что он будет у меня первым. Это случилось как раз в день моего восемнадцатилетия. В общем, я его совратила. Он потом переживал, замуж звал, бесился. Но я его уломала, и все осталось как есть — мы вместе и порознь...

— Насколько я слышал, у него были проблемы.

— Да в России он в розыске. Попал под правительственную чистку. Хорошо, он вовремя понял, откуда ветер дует, и продал все наши Российские активы, оставшись управляющим. Дешево продал, но свобода дороже. Когда наехали на него — а брать-то и нечего. Ну и решили

посадить в отместку. А ему только подпоясаться, на самолет и тю-тю! Ну и я за ним от греха подальше. За три года он вернул все потерянное и еще жирку нарастил, освоился. Но ему видно на роду написано страдать. Теперь вот рак легких. Операцию сделали, но рецидив — это дело времени. Рак не прощает. А ему ведь всего сорок четыре... Но я останусь с ним до конца.

— Вот уж верно — богатые тоже плачут. Страшная история. Тебе пришлось много пережить. — Он стер пальцем одинокую слезинку, побужавшую по ее щеке. — Извини, если я тебя чем-то обидел.

— Да чем ты меня мог обидеть? Ты не слышал, как он меня костерит, а я ему в ответ. За малым не деремса. Он меня побаивается.

— Почему? Ты на первый взгляд совсем не страшная.

— Это на первый взгляд. А на самом деле я акула. Пока маленькая, но уже зубастая. Ты еще на своей шкуре проверишь.

— Ты что собираешься с ним в экспедицию?

— А как ты думал!

— Я думаю, что экспедиция не состоится. По крайней мере, пока я не пойму, зачем это нужно. Последнее слово за мной — мне ведь идти.

— Так ты у нас шеф! Ну, тогда берегись! — Она бросилась на него и начала щекотать бока. Он

попытался высвободиться, так как от щекотки буквально сходил с ума, и они вдвоем скатились с плота в воду.

— Только не это! — Крикнул он, вынырнув метрах в трех от плота. — На все согласен, только не щекотать.

— Знай наших! — Он снова забралась на плот и подала ему руку.

— Ты все-таки скажи, зачем ему это нужно? — Спросил Андрей, снова улегшись рядом с Симой.

— Всего не скажу. Но легенда такова: он прячет человека, которого подобрал недавно в Гонконге. Тот рассказал ему историю, о том, как после взрыва на судне, где он был капитаном, его вынесло на каком-то обломке на необитаемый островок в районе Французской Полинезии. Он был весь изранен. Кстати, обследования показали, что полученные им ранения были несовместимы с жизнью. Все кости переломаны, разрывы органов. Но он остался жив.

— Всяко бывает. — Андрей скептически пожал плечами.

— Он утверждает, что на островке есть совершенно круглая лагуна, в которой вода густая как кисель, а по вкусу напоминает кровь. В общем, он очнулся на берегу этой лагуны живым и выздоровевшим. Переломы срослись, раны

затянулись.

— Да-а-а! Бывают в жизни сказочники!

— Ты не знаешь Петра. Он никому не верит на слово. Он спрятал этого мужика где-то у себя и провел тотальную проверку по всем направлениям. Выяснил всю подноготную — все подтвердилось. И авария на судне, и район, и его травмы. Я ему верю...

— Ты хочешь сказать, что он надеется, что этот кисель его вылечит?

— Сразу видно, что ты не бизнесмен! Мелко плаваешь.

— Понял, не дурак. Он хочет провести комплексные исследования местных условий, чтобы создать их суррогат и пустить выращивание этого киселя на конвейер. Если он конечно существует. Во что я верю с трудом.

— А зачем тебе верить? Он заплатит столько, сколько попросите, и если киселя нет, то он скоро умрет, а деньги останутся у вас. Вот такая арифметика.

— А теперь скажи, это он тебя подослал, чтобы ты меня уговорила? Так ведь?

— Я, между прочим, видела его последний раз до вашего заседания. Да и не думали мы, что ты здесь что-то решаешь. Все контакты были с Максом. Однако я сделаю все, чтобы помочь ему добиться своего.

— Мы с Максом партнеры. Он останется здесь, а я пойду в Полинезию. Мы так решили.

— Так все-таки решили?

— Пока только гипотетически. Слишком много вопросов. Но все-таки, зачем ты мне все рассказала? Это ведь под строжайшим секретом?

— Ты спросил, я и рассказала. Все равно деталей ты не знаешь, поэтому растрезвонить ничего не получится. Да и не поверит никто. Так же как ты не поверил. Это нормально. Но мне показалось, что ты должен это знать. Все что я сказала — чистая правда, но не полная. Веришь?

— Верю и не верю. Ты мне нравишься, но ты с другой планеты, где другие законы и взаимоотношения. Доверие, это субстанция бестелесная и тонкая. Оно возникает с трудом и легко улетучивается. Но все равно, спасибо за откровенность... Что-то я проголодался. Не проведать ли нам Василича? Надеюсь, ты отвалишь мне с барского стола кусочек рыбки?

— Посмотрю на твое поведение. Пошли.

* * *

В каюте Андрей обнаружил Кати. Она сидела на диване почти в неглиже, попивая его колумбийский кофе.

— О, Кати! Бонжур! Решила заглянуть на

огонек? — Он присел рядом с ней, взял у нее чашку с кофе и отпил глоток. — Смотрю, ты тут освоилась.

— Ты против?

— Нисколько. Мне даже нравится — так по-домашнему.

— Что, наш ужин отменяется?

— С чего ты взяла? А-а, вижу, заревновала! Должен тебя успокоить — это всего лишь бизнес.

— У тебя особенная манера начинать бизнес, заигрывая с наложницами клиентов!

— Ошибаешься, дорогая. Но признаюсь, я тоже поначалу был введен в заблуждение. Как оказалось, она полноправный партнер того волчары, которого обрабатывает Максим. О ее состоянии судить не берусь, но думаю, речь идет о сотнях миллионов. И боюсь, не я герой ее романа, хотя мы поладили.

— Я заметила. — Кати взглянула на него с возмущением и брезгливостью.

— Понимаю, голубая кровь, белая кость! Но насколько я знаю, твои предки не отличались благонравием и целомудрием. А за такой взгляд я налагаю на тебя штраф!

Он сграбастал Кати в крепкие объятия и овладел ею прямо на диване, быстро и грубо доведя дело до кульминации.

— Это аванс. Остальное сегодня после

ужина. — Сказал он, вставая и направляясь в душ. — Извини, у меня куча дел.

Выйдя из душа, он уже не застал в каюте ревнивую француженку и вздохнул с облегчением. Ему так не хотелось снова вступать в бессмысленные препирательства. «Все они одинаковы, не успеют залезть в постель, а уже качают права. Но, хороша, чертовка. Гены предков не растворились в плебейской крови... Обиделась, скорее всего. Да и ладно». Он оделся и направился в кают-компанию, закрыв каюту на ключ, чтобы избежать подобных спонтанных визитов. Выглянув на палубу, он увидел Кати, уже в гидрокостюме, спускающуюся по трапу. Она поймала его взгляд и улыбнулась, помахав ему рукой. Он помахал ей в ответ и тоже невольно улыбнулся. «Черт ее поймет. Не обиделась. Похоже, вечер будет горячим».

* * *

Из приоткрытой двери кают-компания несло аппетитным духом. Василич расстарался, и кок на скорую руку соорудил кулинарный шедевр, который имел также и художественную ценность. Порезанная порционными кусочками поджаренная рыба покоилась в центре огромного овального блюда на груде нарезанного кружками картофеля, обложенная овощами, дольками лимона

и шейками лангуста, завернутыми в листья салата. Рядом стояло блюдо поменьше, на котором concentрическими кругами были выложены разнообразные моллюски. В стороне стояла запотевшая бутылка белого вина в окружении нескольких бокалов. Максим уже сидел за столом, глотая слюнки, а Серафима помогала Василичу с тарелками и приборами.

— Привет честной компании. Как наши дела, Макс? — Спросил Андрей, остановившись у стола. — Нюх тебя не подводит.

— Не жалеюсь. А дела пока в процессе утряски. Садись.

— Сейчас, только помогу даме в ее хлопотах.

Серафима хмыкнула, и когда он подошел к ней, исподтишка больно ущипнула.

— А ты уже оскоромился! — Прошептала она вызывающе.

— С чего ты взяла? — Также шепотом спросил он. — Подглядывала что ли?

— И подглядывать не обязательно. Столкнулась с брюнеткой, когда она выбегала из твоей каюты, растрепанная и довольная, как блудливая кошка!

— Мы в свободной стране, вернее, в свободном океане. Каждый имеет право на блуд, труд и отдых. И ты не имеешь оснований ревновать меня.

— Не воображай! Очень надо! — Она фыркнула и, быстро обойдя стол села рядом с Максимом.

Андрей и Василич уселись напротив.

— Андрей, открывай вино, вы, Серафима, как виновница этого застолья, оделите нас рыбкой, а Алексей Васильевич как самый старший, скажет тост. — Провозгласил Максим безапелляционно.

— А ты, значит, осуществляешь общее руководство! — Съязвил Андрей, вгоняя штопор в пробку.

— Просто облегчаю процесс, координирую...

За столом о делах не говорили. Был ненавязчивый треп, анекдоты и русские традиционные споры, беспредметные и ожесточенные, о вещах, в которых никто толком не разбирался. Открыли вторую бутылку, и под нее подчистили блюдо с моллюсками.

— А что это у вас за наколка? — Спросила Сима Василича, указывая на череп с крылышками в сдвинутом набок берете, красовавшийся у него на плече.

— Так, грехи молодости. — Ответил нехотя Василич, недовольно шевеля усами. — Баловались в Афгане.

— Так вы воевали? Как интересно! И убивать, наверно, приходилось?

— Всякое бывало, Серафима Филипповна. И

уверяю вас, ничего на войне интересного нет. Кровь, горе, смерть. Садомазохистское занятие. Ну, мне пора. Засиделся. — Василич встал и вышел из кают-компанияи.

— Я его чем-то обидела? — Спросила Сима, закусив губу.

— Нет. — Успокоил ее Максим. — Просто навидался человек. Не любит он привлекать к себе внимание, и разговоры о войне терпеть не может. Небось, в его буфете не один десяток скелетов скопился. Ладно, я тоже пойду, посижу на спине. Подумаю. Спасибо вам, Серафима. Об уборке не беспокойтесь. Официантка приберет.

— Петр уехал в Фор-де-Франс. Вернется поздно, а может завтра. Я осталась одна и буду скучать. — Сказала Серафима, когда за Максимом закрылась дверь.

— Тут развлечения всегда можно найти. Сейчас отдохнем, после обеда можно понырять, а вечером французы фестивалят, не соскучишься. Ты говоришь по-французски?

— Я вундеркинд. Сначала папа нанимал мне гувернанток, а потом Петр занялся моим образованием. Я и в Лондоне училась, и в Париже. Жила в Мадриде, в Нью-Йорке, в Рио. Да и сейчас кочую, как цыганка. Все прилипает по молодости.

— Тогда тебе не дадут соскучиться. А я по-французски не сподобился.

— Как же ты общаешься со своей герцогиней?

— На ощупь!

— Опять пошлишь!

— Сама напросилась. Что тебе далась моя личная жизнь? Я же не спрашиваю, в какие позы ты становишься перед своим Мефодьевичем.

— В какие поставит! И он Никитич!

— Да хоть Акакиевич! Вы заказчики, мы исполнители, сделали дело, рассчитались и разбежались!

— А, ты завелся! Значит я тебе не безразлична?

— Признаюсь, не безразлична, но как говорится — всей водки не выпить, всех баб не перетрахать. Мы с тобой нашли вроде бы, общий язык, так давай на этом и остановимся!

— И все-таки. Если ты такой непонятливый, я говорю тебе открытым текстом. Приходи сегодня вечером ко мне в каюту. Второй раз не приглашу! Придешь?

— Нет. Вечером я занят. Меня пригласили на ужин.

— Откажись!

— Это с какого перепугу? Спору нет, ты кому угодно можешь вскружить голову. Вот поэтому я и не приду. Не хочу потеряться в толпе других воздыхателей!

— А я других и не приглашаю. Мне нужен ты.

— Я не мальчик по вызову, чтобы по мановению пальца любой скучающей самки кидаться к ней в объятия. Я сам решаю, когда и с кем. Меня хочешь? Ну что ж, подожди недельку. Вот закончу с французами, тогда и приходи.

— Ну смотри! Одумаешься, да поздно будет! — Она вскочила и бросилась вон из кают-компаний.

«Жаль, конечно, но Боливар не вынесет двоих. Что-то я вообще за эту неделю превратился в форменного жиголо. Ничего, в рейсе все станет на свои места».

Глава 4. Договор с дьяволом

Три дня прошли в рутинной работе. Французы продвигались в глубину по шлейфу обломков галеона «Ана Исабель», и уже достигли отметки 57 метров. Андрей повысил меры безопасности и сам постоянно присутствовал на вспомогательном плоту, дублируя Уилла и Хедли, работавших посменно. Как он и предполагал, золото из-за своей тяжести должно было постепенно сползать по склону и находиться в самом низу зоны разброса обломков. Он тщательно исследовал рельеф, и отметил, что к удаче золотоискателей, перед круто уходящим вглубь склоном вулкана, была неширокая, метров в тридцать, горизонтальная

полочка, где и скопились последние останки корабля. В середине плота была вмонтирована прозрачная пластиковая полусфера. Андрей увидел Кати — он узнал ее по яркой оранжевой полосе на шлеме. Она всплывала слишком быстро, обгоняя собственные пузыри.

— Кажется, мы нашли! — Крикнула она, сорвав маску и выплюнув загубник. — Вот, смотри!

Она бросила на настил плота массивную бляшку желтого металла, испещренную расходящимися концентрическими цепочками странных символов. Андрей взял пластину в руки и ощутил ее тяжесть. Действительно, это было похоже на золото.

— Это напоминает календарь Майя. — Продолжала Кати, задыхаясь. — Мы обнаружили разбросанные на небольшой площади конгломераты, напоминающие по форме мешки. Видно, пока гнил холст, содержимое мешков заизвестковалось, срослось комом, и теперь очень удобно отыскивать эти золотые комья.

— Я тебя поздравляю, Кати, но позволь мне заметить, что никакая находка не может оправдать пренебрежительного отношения к нормам безопасности. Сколько раз я повторял — всплывать с пузырями! Порвать легкие захотела! Все, я прекращаю погружения! А то вы от счастья угробите кого-нибудь. Перед ужином, пока твои

кладоискатели не напились, все должны собраться на инструктаж. А завтра перед погружением каждый пройдет через медпункт. Без допуска нашего доктора я никому не дам разрешения на работу!

— Ты хочешь поиздеваться надо мной? — Кати надула губки. — Дай мне руку.

— Я хочу, чтобы у тебя, да и у других, была возможность рассказывать вашим детям и внукам о ваших чудесных находках, о каверзах и происках авантюриста и проходимца по имени Андрэ... — Говорил Андрей, помогая ей снять шлем и освобождая ее от лямок акваланга. Она обняла его за шею и прижала холодные губы к его губам.

— Спасибо тебе, милый мой Андрэ! Ты не представляешь, как я тебе благодарна за все! — Прошептала она, вороша его волосы мокрыми руками.

Послышалось приглушенное с присвистом стрекотание вертолета. Они повернулись на звук и вскоре увидели растущую на глазах «стрекозу».

— Кого-то черт принес. Пойду, узнаю. Ты переодевайся. Хватит мокнуть. И насчет инструктажа я не шутил, чтобы за час до ужина все были в столовой.

— Ты придешь сегодня?

— Нет.

— Почему? — Она снова надула губы, но уже

с явной обидой.

— Сегодня твоя очередь идти в гости. Твои орлы сегодня напразднуются и не дадут нам покоя.

* * *

— Кто прилетел? — Спросил Андрей у вахтенного, поднявшись по трапу.

— Девчонка. Притащила с собой какого-то типа в пиджаке и галстуке.

Андрей поднялся в кают-компанию как был в плавках и с полотенцем на шее.

— Здравствуй. — Серафима встретила его приветливой улыбкой. Со дня их ссоры они едва обмолвились парой слов, а утром прошлого дня она вообще улетела, не попрощавшись. За столом, раскладывая бумаги, сидел мужчина в очках, уже успевший снять пиджак. Галстук, однако, был накрепко приколот к рубашке бриллиантовой булавкой. Он бросил на Андрея беглый взгляд и вернулся к своей писанине.

— Это наш адвокат, Хью Буканан. Он прилетел из Флориды. С Максом мы пробежались по контракту, но он послал нас к тебе. Вдруг тебя что-то не устроит.

— А вы уже и контракт подготовили? Макс не связывался со мной. Хотя, я весь день на плоту, слежу за лягушатниками. Могли бы мне прислать

на мыло.

— Такие документы не стоит доверять Интернет. Садись.

— Так я не одет. Плавки мокрые.

— Мы это переживем. Знакомьтесь, мистер Буканан, Мистер Буланин. — Сказала она громко, перейдя на английский.

— А, мистер Эндрю! — Адвокат встал, и протянул руку через стол. — Очень рад. Присаживайтесь.

— Взаимно. — Андрей сел и открыл придвинутую американцем черную папку.

Вчитываясь в текст, он недоумевал. Макс отдавал судно со всеми научными потрохами в полное распоряжение некой фирмы «Björk intermediary, Ltd.», зарегистрированной в Гибралтаре. Прояснилось все, когда он дошел до финансовой части сделки. Андрей не поверил своим глазам. «Это из тех предложений, от которых невозможно отказаться. Видно Вересова действительно прижало». Суммы, пропечатанные жирным шрифтом напротив соответствующих статей оплаты, ослепили его будто вспышка света. Они на порядок превосходили те, которые планировал выбить из заказчика Макс.

— Я понял вашу мысль. Это убедительно и доходчиво. — Сказал он, прямо глядя в темные с искрой глаза Серафимы. — Неясно только как

обстоят дела с выяснением личности таинственного друга или конкурента. Также ничего не сказано об обеспечении безопасности...

— Это предмет отдельного разговора. Обсудим это в узком кругу, и если будет нужно, подпишем секретный договор по безопасности. Но думаю, устного соглашения будет достаточно. — Она не отвела глаз, в которых уже не плясали озорные чертики, и теперь в них читалась холодная расчетливая решимость.

«Бизнес в его квинтэссенции, и ничего личного!», подумал Андрей, мысленно аплодируя ее способности перевоплощаться.

— По контракту есть возражения? — Спросила она со скрытой издевкой. Мол, «куда ты парень денешься!»

— Ответ ты знаешь и без меня. Вот он, договор с Дьяволом. Где подписываться кровью?

* * *

Когда адвокат Буканан, загрузив портфель своими бумагами, вышел из кают-компания в сопровождении матроса, и направился к вертолету, уже запустившему двигатель на кормовой палубе, Серафима и Андрей остались одни.

— Я жду обещанного отдельного разговора. — Сказал Андрей, не поднимая глаз от

бумаг. Она подошла и села на стол рядом с ним, отодвинув папку бедром. Взяв его за подбородок, она повернула его лицо и заглянула в глаза.

— Ты не рад мне?

— Почему, рад. Я большой ценитель женского тела, а ты являешься образчиком лучших творений господина Бога. Несешь, так сказать, прекрасное в массы. Особенно в бикини.

— А без? Хочешь разденусь?

— Нет. Это оставь для господина Вересова. Мне не потянуть попку на сто миллионов.

— Ты ошибся в одном нуле.

— Тем более. Это все равно, что хлебать «Портвейн Приморский» одесского винзавода из чаши пятого века до нашей эры. Чашу ведь не для портвейна делали! — Он отвел ее руку, встал и подошел к иллюминатору, повернувшись к ней спиной. — Что ты хотела мне сказать?

— Мы решили вопрос с нашей таинственной тенью. Провокаций больше не будет. — ее голос зазвучал холодно, по-деловому.

— Что-то мне говорит, что последнее твоё утверждение не соответствует в полной мере действительности. — Он резко повернулся и вздрогнул, встретившись с взглядом взбесившейся фурии, как-то не вязавшимся с ее светлым ангельским личиком.

— Будь уверен, что у нас достанет решимости

в нужный момент адекватно среагировать на недружественные выпады наших оппонентов.

— А вот теперь — верю. Верю даже, что ты сама с автоматом в руках будешь пресекать эти выпады.

— Мне не в первой. Приходилось... Правда, с пистолетом.

— Поясни.

— Ты действительно этого хочешь?

— Я подписался на эту авантюру еще в первый день. Поэтому хотелось бы знать о тебе побольше.

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы ты понял, что ввязался в серьезное дело с серьезными людьми.

— Я это понял по суммам контракта. Но продолжай.

— Помнишь, я рассказывала тебе о покушении на отца? Так вот, прошло три года. Мне было семнадцать тогда. Я жила в доме Петра. Приехала на каникулы. Как-то ночью мне не спалось, и я услышала во дворе шум подъехавших машин, хлопанье дверей... Спустившись вниз, я увидела, как охранники вывели из машины двоих избитых мужиков со связанными руками и отвели в подвал. Меня пытались задержать, но я наорала на охрану, и они притихли, дали мне пройти. Петр был там. Те двое лежали на полу в крови и грязи. У

одного был выбит глаз, и он жалобно скулил. «Этого те, кто убил твоего отца! Долго я искал с ними встречи», сказал мне Петр. «Что ты собираешься с ними делать?», спросила я его. Я не чувствовала страха или отвращения. Было странно ощущать в себе растущую холодную ненависть. Наверно, проснулись отцовские гены. «Как ты решишь, так и будет», сказал он и протянул мне пистолет. Наверно, ждал, что я устрою истерику и убегу. Он ведь их уже приговорил... Просто хотел поиграть со мной и с ними. Он мастер на эти игры в кошки-мышки — Она надолго замолчала, глядя на Андрея, вернее, будто сквозь него, куда-то в глубину времени, откуда всплывали не упокоенные призраки прошлого.

— И что же ты сделала? — Нарушил Андрей повисшую между ними тягостную тишину.

— Сейчас я, может быть, и подумала бы, а тогда мне просто хотелось отомстить за себя. За то, что я осталась одна под присмотром обожравшегося изувера. И еще хотелось утереть ему нос. Я взяла пистолет и тут же выпустила в тех двоих всю обойму. Помню ужас на лицах охранников и удовлетворенную ухмылку Петра. После этого в моей жизни много изменилось... — Она замолчала, присев на стул. — Иногда меня тяготит это. Хочется простого бабского — любви, семьи, дома. Даже о детях подумываю. Смогу ли я

быть нежной с ними? Ты из другой жизни, поэтому я тянусь к тебе. Не гони меня, дай побыть слабой.

— Страшная история. Душещипательно. Прямо Бони и Клайд. Поверить трудно. Хотя после твоего сольного танца со спиннингом во многое можно верить. Но я не верю.

— Почему?

— Просто чтобы сохранить хорошие отношения. Предположим, я поверил. Тогда как нам дальше быть? Вполне возможно, у вас обеих руки по локоть в крови, но зачем это знать мне? Я буду выполнять свою работу, а ее я делаю очень хорошо, но ваши мафиозные наклонности меня абсолютно не интересуют. Ты все время пытаешься навязать мне отвращение к тебе. Это что, способ феминистской защиты?

— Извини, просто мне очень плохо. Я чувствую, что моя жизнь катится по чужим рельсам, а свернуть не могу. Все скоро решится. В ближайший год. Или он умрет, или выздоровеет, и в том и в другом случае я буду считать себя свободной. Я сделала все, что могла. Тогда попытаюсь пойти к людям, чтобы научиться жить...

Андрей подошел и сел рядом с ней, обнял ее за плечи, не зная, что сказать. Слова родились сами по себе, заполняя затянувшуюся паузу.

— Тебе пришлось не сладко. Не знаю, чем я

смогу быть тебе полезен, но я постараюсь. Ты уже заметила, я балабол и бабник. Жизнь меня почти не била. Так потрепала слегка. По крайней мере, у нас с тобой есть общее дело на ближайшее время. Давай, попробуем развить тему Горького по поводу ужа и буреветника — примерим ее к новым условиям. А там видно будет.

— Спасибо тебе. — Сказала она глухо, освобождаясь от его объятий и придвигая к себе стоявший на столе ноутбук. Порыскав мышкой, она нашла на диске нужный файл, открыла его и повернула компьютер так, чтобы Андрею было видно изображение. — Вот, посмотри. Откопала эту посудину в Венесуэле, их всего было выпущено четыре штуки, две уже пошли на слом, а эту я перехватила чуть ли не у ворот свалки.

— Ничего себе! — Андрей присвистнул. — Это же брат близнец нашей «Нереиды», только слегка потрепанный. К чему ты клонишь?

— Пытаюсь рассказать тебе, как мы будем обеспечивать безопасность. Ты прав. Действительно в Гонконге за нашим капитаном охотились большие люди. Он попал в их поле зрения, когда занимался врачеванием, зарабатывая на кусок хлеба. Ему удалось прихватить с собой с острова немного той биомассы, которая помогла ему выжить, и с ее помощью он лечил все болезни. Мы узнали о нем, когда искали секреты китайской

медицины, чтобы вылечить Петра. Тогда же на него вышли люди из местной триады, завязанной и с Латинской Америкой, и со Штатами. Нам удалось выхватить его прямо из лап конкурентов. Настоящий блокбастер. Я сама укрывала его бронезиловым, когда мы уходили от погони.

— Ну а для чего нам этот пароход?

— Не понял? Мы загоняем «Нереиду» в док, красим ее, камуфлируем все что нужно, и исчезаем под именем «Сантисима Тринидад», теряемся в мировом океане, а псевдонереида будет ремонтироваться до скончания века. Нет судна, нет и опасности. По крайней мере, пока наш обман не выплывет наружу. А мы за это время сможем уйти ой как далеко! Догнал?

— Теперь да. Но нам нужно будет обзавестись серьезной охраной. Как насчет этого?

— У нас есть вполне надежная команда. Профессионалы.

— Не годится. Во-первых, у вас течет, это очевидно. Чем больше ваших людей будет задействовано, тем меньше шансов сохранить тайну наших передвижений. Кроме того, полугодовой рейс в тропики — это прямой путь в психушку. Люди не проверенные, да еще с оружием, это вдвойне опасно. Море не прощает, поверь мне. Оно пожирает все — дерево, металл, плоть и душу. Не зря в некоторых странах после месячного рейса

требуется особая страховка, а после шестимесячного моряку не разрешается свидетельствовать в суде. Это не шутки.

— Я тебе верю. Что ты предлагаешь?

— Василич, с которым ты уже нашла общий язык, человек очень непростой. И друзья у него серьезные люди, тертые на семи наждаках. Десантура, морпехи, спецназ. Десятка полтора, только тех, кого я знаю, подвизается здесь, на Антилах. А уж на материке их сотни. Работали советниками в Никарагуа, на Кубе. Есть среди кого выбрать. Если они сочтут возможным работать на вас, то уже другим не продадутся. Василич у них в авторитете.

— В этом есть смысл. Я подумаю. Кстати, нужно еще и экипаж почистить. Возможно, кроме твоей блондинки еще есть крот.

— Я уже думал о рокировке. Если пойдём в док, всех спишем в отпуск, а вернутся другие. Для начала достаточно будет нескольких моряков, чтобы смогли довести судно до Панамы, а там посадим яйцеголовых и охрану. Там же можно обзавестись арсеналом. Через канал лучше пройти чистыми, а то америкосы могут хлопнуть, тогда не отмажешься. У меня в Эквадоре на Галапагосских островах есть институтский корешок. Инспектор в заповеднике. Его можно использовать втемную. За разумные деньги он может нам очень помочь.

Можно там отстояться и утрясти все дела перед броском на юго-запад.

— Хорошо. Будем иметь в виду. — Серафима встала и прошлась по кают-компании в раздумье. Лицо ее было сосредоточенным и не по годам взрослым. Судя по ее хватке, для нее подобные дела были обыденностью.

— Сколько тебе лет, Сима? — Спросил он, внимательно изучая этот новый ее образ.

— Скоро будет двадцать два, а что?

— Просто никак не могу понять какая ты на самом деле.

— Зависит от ситуации. Рядом с Вересовым быстро учишься.

— А нужно ли?

— Не тебе судить. Каждому свое.

* * *

На отметке 63 метра, где фиксировались последние металлические предметы, Андрей разрешил работать только двум французам, подготовка которых соответствовала условиям. Оставалось совсем немного, и чтобы быстрее закончить, он направил в помощь кладоискателям Уилла и Хедли, а сам медленно кружил метрах в десяти от дна, то и дело надолго зависая и оглядывая сумеречное пространство вокруг. На

этой глубине освещение было уже недостаточным, поэтому пришлось вывесить на буюх три ярких фонаря. Находясь метрах в двадцати, Андрей наблюдал фантазмагорическую картину — три ярких конуса разрезали густой ультрамарин водной толщи, и в их лучах копошились четыре темные фигурки. Цветные полосы на их гидрокостюмах казались особенно яркими, а тени на дне шевелились чернильными кляксами. Край одного из световых конусов выхватывал из сумрака корявую кромку шельфовой полки, за которой дно резко уходило в глубину зияющей бездны.

Андрей автоматически фиксировал любое движение в пределах видимости, отвлеченно сканируя окружающее пространство, погруженный в свои мысли. Вот между камней мелькнул полупрозрачный силуэт небольшой акулы, рыскающей из стороны в сторону в поисках легкой поживы. Огромный косяк пелагиды стремительным серебристым вихрем пронесся мимо, резко меняя направление, изгибаясь и закручиваясь в вихревом движении. Из чернеющего узкого грота метнулась змееподобная мурена, выхватывая зазевавшуюся жертву из стайки ярких рыбешек. Все это тысячу раз виденное и набившее оскомину мало интересовало Андрея. Мысли его были заняты фантазиями, рождавшимися из неизвестности, плотной завесой, окутывавшей

предстоявшую авантюру. Считая себя реалистом и разумным циником, он вдруг обнаружил в себе некоторую романтическую нотку, которая нетерпеливо звенела предвкушением скорых флибустьерских приключений. Привилегированное место в его мыслях занимала таинственная и непонятная Серафима. Он все гадал, насколько были реальны описываемые ею события, насколько она сама соответствовала тому образу, в котором представала перед окружающими. Ее яркая внешность влекла, будоражила сознание и плоть, а ее необузданная, наполненная дикой энергией натура, проступавшая сквозь салонный лоск, пугала и отталкивала.

Вдруг его внимание привлекло движение какой-то крупной лобастой рыбы, очертания которой он не смог распознать. Он повернулся направо и посмотрел под углом вверх, где на светлом фоне маячил вытянутой болванкой корпус «Нереиды». Через несколько секунд от болванки отлепилась странная фигура с четырьмя плавниками, которая не могла быть ни рыбой, ни тюленем (кстати, в этих широтах их никогда не видели), и вообще распознать это нечто не представлялось возможным. Он не сразу понял, что это был человек — ныряльщик, управляющий торпедообразным крылатым скутером для подводного плавания. Он уже видел подобные

аппараты, но самому пользоваться такой шгуковиной не приходилось.

Прошли еще секунды пока, наконец, в его сознании не выстроилась логическая схема происходящего. «У французов такого нет! Кого же это к нам принесло?» Сразу всплыла в памяти золотая бляха, поднятая Кати, и рассказ Симы о могучей триаде, жаждущей заполучить секреты таинственной слизи, обитавшей на каком-то безлюдном островке далекой Полинезии. «А может, заблудился?», подумал он с надеждой, но тут же отмахнулся от этой мысли. Он знал, что управлять таким скутером мог только опытный ныряльщик. Первым импульсом было желание рвануть к судну и посмотреть, что же там делал незванный гость. «А куда спешить? Вдруг он нервный, да еще и вооружен? Ясно, что или шпионил за французами, или за нами. А может и прицепил какую-нибудь магнитную гадость к днищу. Подождем».

Прошло минут пять, прежде чем Андрей решился приблизиться к судну. Он медленно поплыл вдоль киля от кормы в сторону носовой части, внимательно осматривая днище. Иностранную круглую пилюлю светло-коричневого цвета он заметил не сразу. Она сливалась с буровой поверхностью днища, поросшего различной флорой и фауной, но все же, гладкая проплешина среди этого мелкоlesia бросалась в глаза. Андрей

осмотрел штуковину со всех сторон, но не нашел ничего примечательного за исключением цепочки круглых отверстий по периметру нижней кромки. «Надеюсь, не мина. Скорее всего, маячок».

* * *

— Я не пойму, Василич, ты когда радиодело изучал, до службы или после? — Андрей нашел молчаливого электро-радио-навигатора в каптерке при радиорубке как всегда паявшего какую-то схему.

— Во время. За двадцать лет службы наберется с десяток серьезных операций, а остальное — подготовка. Я и шить могу. Например, множественный разрыв брюшной полости. Если что, обращайся.

— Шутник ты, однако. Я-то чего пришел... У нас наклеиваются проблемы.

— Ты это о залетном водолазе на подводном вездеходе, заметил?

— Было дело. Он нам прилепил какую-то блямбу «цвета каки». А ты откуда знаешь?

— Иди сюда.

Василич открыл крышку какого-то черного ящичка, похожего на ноутбук, нащелкал что-то на клавиатуре, и экран прибора вспыхнул зелеными концентрическими окружностями на темном фоне.

Переходя из одного режима в другой, он показал Андрею копошение ныряльщиков над своей «золотой жилой», передвижение крупных скоплений рыб, и особо заострил внимание на точке, маячившей на удалении в две мили. К ней приближались три точки помельче.

— Это и есть наша проблема.

— Откуда у тебя такой кондовый агрегат?

— Серафима Филипповна раздобыла по моей просьбе. Очень полезная вещь.

Василич заметно оживился. Видимо предвкушение серьезной и, возможно, опасной игры привело к выбросу адреналина, который придал ему бодрости.

— Вот пацанка! — Воскликнул Андрей. — Наш пострел везде поспел. Когда это вы успели с ней снюхаться?

— Нравится она тебе? — Спросил Василич, будто и не слышал вопроса. — Ядреная девка.

— Скажи лучше — ядерная. Или термоядерная. Ей нужно было мужиком уродиться. Рядом с ней я чувствую себя голубым.

— Много ты понимаешь в женщинах! Кишка у тебя тонка. Расположение такой дамы нужно завоевывать — без страха и упрека. А какой из вашего брата рыцарь! Труха сплошная. Одно слово плебс. — Уничижительные слова Василича сопровождалась добродушной обезоруживающей

улыбкой, и Андрей нисколько не обиделся, зная, что тот не хотел его унижить, а просто брюзжал, как всегда поругивая молодежь.

— Можно подумать, ты у нас благородный! — Решил подзадорить он отставного солдафона.

— А ты думал! Моя прапрабабка была из рода Пыжовых, прямых потомков боярина Хвоста-Босоволкова, правнука немецкого рыцаря Аманда Бассавалья. А прапрапрадеду дворянское звание было пожаловано за воинские заслуги царем-батюшкой, императором всероссийским Александром третьим. И жизнь свою я положил на служение отечеству, чтоб его. Так что я по английским меркам джентльмен в квадрате. Хотя, такая баба все равно не про мою честь.

— Вишь, какой ты навороченный, Василич. Благородных кровей! А водку пьешь как наш сермяжный клиент. Ты лучше скажи мне, что они нам прилепили?

Василич нажал одну из клавиш, и в динамиках послышался ритмический, высокий звук.

— Это ультразвуковой радиомаячок. Его слышат разве что дельфины. Для удобства частота снижена вдвое, поэтому мы его тоже слышим. Будет пиликать ближайшие месяца три.

— А нам что делать?

— А ничего. Снимем его во время докования

и прилепим к другой посудине. Вот и вся недолга. Это пока цветочки. Чувствую, скоро будет совсем интересно — отведаем ягодок по самое не балуйся.

— А что ты так обрадовался? Что тут веселого?

— Не понимаешь ты всей судьбоносности момента. Сейчас у тебя появилась возможность переступить из разряда обывателей в благородное сословие. Нет, я не имею в виду деньги, боже упаси! Деньги не превратят заплесневелого мещанина в благородного дона. Я говорю о самоутверждении. Помнишь, у Достоевского — «Тварь я дрожащая или право имею?» Не нужно мочить прижимистых старушек. Осмелся, замахнись на большое, добейся своего! Сам увидишь, как вокруг тебя появится некий ореол, притягивающий людей.

— Я не совсем тебя понимаю, Василич.

— А что тут понимать! Почему эти нувориши ищут общества великих спортсменов, артистов, художников, путешественников, воров, если хочешь? В, общем, лучших в своем деле. Они хотят или почерпнуть вдохновения, найти божественную искру, или просто побыть в кругу себе подобных. Пройдоха-миллионер, тоже может быть артистом своего дела. Как без этого можно вдохновить своей идеей тысячи и тысячи людей, заставить их отдать свой труд или свои деньги именно тебе, а не

кому-то другому. Это тоже искусство.

— А ты сам-то видел этот ореол?

— И ты видел, да только признаться не хочешь. О чем ты думаешь, когда трахаешь свою герцогиню? Разве тысячелетняя история ее рода, полная тайн и крови, тебя не заводит?

— Пожалуй, ты прав. Заводит, и еще как заводит!

— То-то и оно. Она как породистая собака — результат кропотливейшей многовековой селекции. В ней на генетическом уровне заложен пароль, открывающий все двери. — Василич двумя пальцами достал из пачки сигарету, прикурил и глубоко затянулся. — У Серафимы развитие более быстрое, скорее, мутация характера в двух-трех поколениях. Но она уже владеет тем же секретом, что и герцогиня.

— Тебе бы книжки писать, Василич. Честно сказать, не ожидал от тебя столь глубокого анализа. Сидишь себе тихонечко, молчком, и наблюдаешь за миром, фиксируешь, так сказать, его многогранность.

— А может я и пишу, кто знает. — Василич выглянул в иллюминатор и, прищулив глаза, стал смотреть куда-то в одну точку. — Кстати, а вот и наша проблема нарисовалась.

Андрей тоже выглянул и увидел в полумиле приближавшуюся на огромной скорости

белоснежную яхту. Не дойдя метров сто, яхта заложила крутой вираж и, зарывшись в пену бурунов, ушла в сторону, оставив за собой веер быстро приближавшихся крутых волн, от которых качнуло даже «Нереиду», не говоря о плотках и буях, задержавшихся как поплавки от поклевки. Ему показалось, что в иллюминаторе он увидел несколько лиц, выдававших черты уроженцев юго-восточной Азии.

«Да, точно мир будет желтым», пронеслась в сознании Андрея шальная мысль, никак не связанная с логикой момента.

— Да, Василич, про ягоды ты точно подметил. Как бы нам загадать, чтобы они не были волчьими, а так, что-нибудь более понятное — клубничка, брусничка.

— У тебя одна клубничка на уме. Иди с моих глаз долой, шалопай! Работать мешаешь.

Глава 5. Последние приготовления

Серафима сидела в офисе, оборудованном в одном из залов особняка, который она арендовала на время пребывания в Фор-де-Франс, и делала пометки на полях страниц большого блокнота тисненной кожи, испещренных ее мелким каллиграфическим почерком. Она предпочитала блокнот компьютеру, так как на бумаге ничего не

пропадало, весь ход ее мыслей в зачеркиваниях и исправлениях был как на ладони. Всегда можно было вернуться к изначальному варианту, что-то переиначить и уже резюмировать отработанный текст на экране компьютера — кратко, четко и ясно, доверяя секретарю лишь внешнее оформление документа. Походная жизнь приучила ее обходиться малым, поэтому ее штаб был малочислен, подвижен и гибок.

В дверь постучали. По-видимому, это был ее консультант по финансовым вопросам, которому она назначила встречу на это время.

— Присаживайтесь, мистер О'Каллахан. — Сказала она, встречая улыбкой сухопарого шатена лет пятидесяти с повадками члена Палаты Лордов Объединенного Королевства. — Судя по вашей постной физиономии, я вам опять не угодила.

— Да, мисс Лисецки. Я вынужден сказать вам, что это варварство. Так бизнес вести нельзя. Это настоящее пиратство. Ваш проект возмутителен! Если вы будете продолжать в том же духе, то очень скоро от вас все отвернется!

— Насчет пиратства, хочу вам напомнить, что многие ваши соотечественники промышляли этим благородным занятием и были за это осыпаны почестями, чинами и званиями. У вас есть замечания по существу?

— Вы прилежная ученица, мисс Лисецки, и с

финансовой точки зрения все безукоризненно.

— Тогда доработайте детали и можете запускать план в действие.

— Вы не хотите прислушаться ко мне...

— Давайте опираться на логику, сэр Джонатан. Сколько мы заработали за прошедшее полугодие?

— Сто четыре миллиона семьсот двенадцать тысяч долларов. Но...

— У нас есть задолженности по налогам Казначейству Ее Величества?

— Нет, все выплачено в срок.

— Значит, моя приемная родина на официальном уровне меня любит и уважает, разве не так?

— Формально вы правы...

— Пусть лучше меня уважают как законопослушного налогоплательщика и опасного противника, чем пытаются обжулить как партнера. Вы же знаете, чем кончилось наше партнерство с вашим протеже из Чикаго. Если бы я послушала вас и соблюдала политес, то мы бы потеряли половину бизнеса.

— Но вы же не думаете, что я...

— Если бы я так думала, то вы бы уже с нами не работали. Я вас ценю как гроссмейстера финансов, но вы идеалист, и до сих пор верите в честную игру. Ваши проекты блестящи, но именно

мой цинизм и авантюрные наклонности вдыхают в них жизнь. Давайте и дальше развивать наш тандем в этом направлении.

— Но то, на что вы замахнулись сейчас, выходит за рамки. Ваша операция просто разорит корпорацию Фланагана! А ведь они наши партнеры!

— Опять партнеры! Послушайте, что эти партнеры мне приготовили.

Она щелкнула мышкой, открыв аудиофайл, и из динамиков послышались голоса на фоне городского шума.

«А какую роль вы оставляете нашей прелестной партнерше?», прозвучал скрипучий старческий голос. Ему отвечал более молодой, уверенный, с нотками бравады и снисходительности: «Стоит ли вам заботиться о таких мелочах? Девчонка ничего не соображает в делах, и мы легко спишем ее потери на неблагоприятную конъюнктуру. Вместе с ее банкротством мы объявим о нашем банкротстве, а все активы раздадим нашим кредиторам. Она ведь не знает, что все эти фирмы являются нашими сателлитами.»

«Но это рискованно. Ведь есть еще и Вересов.»

«Ему недолго осталось. Я выяснил его диагноз — неоперабельная онкология. Он сейчас

думает о душе. Вместо того, чтобы следить за своими делами, он занимается строительством православного храма в Калифорнии. Здесь проблем не будет. О'Каллахан тоже вне игры, он чистоплюй и думает, что все такие же. Он не заподозрит подвоха, а когда все произойдет, изменить уже ничего не сможет.»

«Ну что ж, считайте, что вы получили мое благословение. Хотя я и не сторонник таких методов, но вы, молодежь идете вперед, и будущее за вами...»

— Надеюсь, вы узнали эти голоса? — Спросила она, выключая запись. — Как видите, старик Фланаган быстро понял тенденции времени.

— Но это ужасно, возмутительно! Нужно немедленно...

— Ничего не нужно! — Резко оборвала О'Каллахана Серафима. — Доведите мой план до ума и передайте инструкции нашим представителям в Нью-Йорке. И пожалуйста, сохраняйте хладнокровие. Я не хочу, чтобы эти проходимцы ускользнули из-за вашей невыдержанности... У вас еще что-то?

— Еще... Да... Извините мою назойливость, но я хотел бы знать, встретит ли этот ваш критический шаг понимание у мистера Вересова? У меня такое впечатление, что вы обрезаете все концы и собираетесь бежать на Луну.

— По первой части вашего вопроса. Вы знаете мой статус — мое слово, даже не согласованное с ним имеет тот же вес, что и его. Все сомнительные ситуации мы разрешаем вдвоем. Теперь по поводу бегства на Луну. От вас не могло ускользнуть замечание о болезни вашего шефа, моего партнера и самого близкого человека. Как вы понимаете, конечный пункт его путешествия может быть гораздо дальше, чем Луна. Если он уйдет, то на меня обрушится тот водопад, который пока сдерживается плотиной его имени, его репутации и авторитета. Вы слышали, меня считают глупой девчонкой, которую можно легко обвести вокруг пальца. Меня попытаются уничтожить, и первыми в очередь станут не враги, а друзья. Некоторые пытаются что-то предпринять уже сейчас. Чем меньше останется его друзей вокруг меня, тем спокойней будет мне. Я сознательно провоцирую их на решительные действия, чтобы заставить открыться, подставить свои слабые места для моего решительного удара.

— Неужели с Вересовым все так серьезно?

— Надежд очень мало. Мы цепляемся за любую даже призрачную возможность что-то изменить. О себе вы не беспокойтесь. На ваше имя открыт специальный счет, который активизируется, как только вы по любым причинам прекратите работать со мной. При вашем стиле жизни, этих

денег вам хватит, чтобы, не работая спокойно дожить до старости. Но я прошу вас остаться до конца.

— Вы знаете, мисс Серафима, как я к вам отношусь. Я не бедный человек, и работа для меня всегда найдется. Я начал работать с вами в очень трудный для вас момент, потому что увидел в вас человека, достойного доверия, и бросить вас на полпути я не смогу. Пусть мне и претит начатая вами война, но в душе я понимаю ваши мотивы, и готов переступить через свои принципы. От Вересова я, пожалуй, ушел бы...

— Спасибо. Я рада, что со мной остается человек, на которого можно опереться.

— Не беспокойтесь, я все понял. Разрешите откланяться. — О'Каллахан с похоронной миной на лице резко повернулся и вышел.

* * *

Она нажала кнопку, прикрепленную к столешнице с нижней стороны. Через несколько секунд открылась вторая дверь, ведущая вглубь особняка, и в офис вошел мужчина высокого роста и могучего телосложения. Когда он был рядом, Симе казалось, что он занимает все свободное пространство вокруг. Это был начальник ее охраны, один из немногих посвященных, и как ей казалось,

преданных людей. Он уехал из России вместе с ней, и сопровождал ее во всех странствиях и мытарствах.

— Слушаю вас, Серафима Филипповна. — Сказал он, нависая над ней громадой своего торса, как джинн над Аладдином.

— Садитесь, Олег. Есть темы для разговора. — Она достала из выдвижного ящика папку с несколькими машинописными листами и протянула ему через стол. — Ознакомьтесь. Все это снаряжение нужно закупить в ближайшее время и доставить в порт Сьюдад-де-Панама, куда именно — я вам скажу позже.

Гигант бегло просмотрел список, и его левая бровь приподнялась в немом вопросе.

— Понимаю ваше удивление, но эту партию я сыграю без вас. И не возражайте! — Она остановила готовый сорваться с его губ возглас протеста повелительным жестом. — Вы мне нужны здесь. Это жизненно важно. Вам придется как можно дольше создавать иллюзию моего присутствия. Для этого нужно будет найти женщину, похожую на меня. Нет смысла инструктировать вас по вопросам сохранения секретности. Очень скоро возможны враждебные выпады со стороны Фланагана. О наших конкурентах из Гонконга и говорить нечего — они давно держат нас под колпаком. Так что усильте

контроль и подумайте о маскараде, все должно выглядеть натурально. Я оставляю вам двадцать миллионов на расходы. Если со мной что-то случится, заберете остаток себе.

— Но Серафима Филипповна!

— Вы профессионал и должны понимать, что толку от ваших людей в морских условиях будет мало. Я наняла серьезную команду бывших военных, знакомых с морской спецификой не понаслышке. Так что вам не стоит беспокоиться. Да и у вас тут скоро запахнет жареным. Кстати, вот еще что. Подумайте о том, как нам прикрыть уход со сцены, так чтобы никто сразу не кинулся. Нам нужно пару недель. На этом все. Идите.

Она взглянула на Олега одним из тех своих взглядов, которые заставляли многих опытных и сильных мужчин беспрекословно ей повиноваться. Наверно также она смотрела на него там, в подвале, когда отдавала ему пистолет с опустошенной обоймой, после того как расстреляла убийц своего отца. Тогда в его глазах она не увидела страха, а лишь предложение преданности, которое и стало основой их последующего сотрудничества. Она задумалась. Почему-то на Андрея ее взгляды совершенно не действовали. Он будто не понимал их. Возможно, это было обусловлено тем, что она не хотела подчинить его, а рассматривала с точки зрения возможного партнерства в классическом

общении мужчины и женщины. Возможно, впервые она обратила внимание на мужчину не как на инструмент в ее разнообразных делах, а как на представителя противоположного пола, желая понравиться ему, но повела себя глупо и, похоже, оттолкнула его. Она привыкла, что вокруг нее находились мужчины с деревянными лицами, отягощенные своим весом в обществе, или же мускулатурой и оружием. Этот же «балабол», как он сам назвал себя, был чужд ее миру. Он свободно порхал по жизни от острова к острову, от женщины к женщине... Она вдруг впервые почувствовала ревность. Она вспомнила, как Кати выбегала из его каюты с выражением блаженства на ее, как ей казалось, невзрачном лице, и гневный взгляд Сандрин, сверкавший ненавистью из какого-нибудь укрытия.

«Хватит соплей!», одернула она себя, «И без этого дел невпроворот!»

* * *

Между тем, Вересов действительно находился в Калифорнии, где завершалось строительство православной церкви, заложенной на месте старого русского поселения в Сими-Валлей к северу от Лос-Анджелеса. Останавливался он в просторной пристройке, где жил священник — отец Михаил.

Никто не знал, что под храмом был оборудован бункер, способный обеспечить автономное существование десятку человек в течение двух месяцев. Именно там прятался Ли Данкан Миллер, перевезенный из Гонконга. Кроме Вересова только отец Михаил был посвящен в эту тайну, и часто навещал добровольного узника, ведя с ним долгие беседы на самые различные темы. Миллер оказался человеком начитанным, опытным и приверженным логическим умозаключениям, что делало их беседы интересными и продуктивными. Прерывали их только наезды Вересова, которого больше интересовали практические вопросы, связанные с подготовкой экспедиции.

Визиты Петра Никитича не ограничивались общением с Миллером. То ли из соображений конспираций, то ли следуя изменившемуся из-за смертельного недуга жизненному кредо, он подолгу простаивал на коленях перед еще незаконченным иконостасом, молясь или медитируя, каждый раз исповедовался и активно участвовал в делах строительства храма. Кроме того, он не делал секрета из посещений частной онкологической клиники в предместьях Лос-Анджелеса. По-видимому, именно эти частые поездки «на богомолье» в собственный храм дали пищу для слухов о его полном отходе от дел и возможной скорой кончине.

* * *

— Итак, Ли, я выполнил свою часть договора. Вот документы. — Вересов положил на стол перед Миллером пачку бумаг, заполненных мелким машинописным текстом с подписями и печатями. — Копия купчей на дом под Брисбеном. Подпись вашей жены. Контракт на открытие специального банковского счета, суммы и условия выплаты содержания, все как вы просили.

Миллер стал перебирать тонкие листки изуродованными крючковатыми пальцами, растерянно глядя на них, будто не умел читать. Затем он отложил их в сторону и вопросительно взглянул на Вересова. Тот открыл свой ноутбук, нажал несколько клавиш и повернул его экраном к австралийцу. Послышался шум моря, урчание автомобильного мотора, детские голоса и приглушенная музыка. Миллер как зачарованный смотрел на экран. Сначала камера плавно сняла панораму — темный мыс на другой стороне залива, утопающие в зелени коттеджи, дорога, уходящая за холм на горизонте. Потом крупный план стоящего на берегу двухэтажного дома, окруженного сочной зеленью газона. По газону навстречу камере шла женщина лет сорока в шортах, футболке и широкополой соломенной шляпе, за ней, виляя

хвостом и повизгивая, бежал щенок кокер-спаниеля.

— Здравствуйте, миссис Миллер. — Послышался женский голос из-за кадра. — Вы ведь жена капитана Миллера, не так ли?

— Да, я вдова Ли Данкана Миллера. Что вам угодно?

— Мы из службы новостей Брисбен Хот Ньюз, снимаем сюжет о капитане Миллере. Вы могли бы прокомментировать недавнее решение суда по делу о гибели сухогруза «Тасманский Волк». Нам хотелось услышать вашу личную оценку происшедшего.

— Произошло то, что должно было произойти. Наконец-то, после восьми лет возмутительных разбирательств и грязной клеветы, доброе имя моего мужа восстановлено и компанию-судовладельца обязали выплатить семьям погибших моряков достойную компенсацию. Хотя могут ли деньги компенсировать потерю близкого человека?

— Вы купили этот дом на деньги, полученные по суду?

— Нет. К нам приехали представители Тихоокеанской Ассоциации Взаимопомощи, и вручили купчую на дом и чек на первую выплату ежегодного содержания. Суммы я не хотела бы называть. Хочу только выразить свою

благодарность этим бескорыстным людям, которые совершили для нас настоящее чудо.

В кадре появился мальчик лет двенадцати, девочка постарше и крепкий молодой человек.

— Это ваши дети?

— Что тут происходит, мама? — Спросил парень, сурово глядя в камеру.

— Это с телевидения, Сэмми. Да, вот моя семья — Сэмюель, мой старший сын и глава семьи. Миурель, выпускница колледжа, и младший сын Патрик...

Вересов выключил запись и закрыл компьютер.

— Думаю, лучше вы досмотрите фильм после моего ухода. Сейчас у меня дела, я вернусь завтра, и мы поговорим. — Сказал он вставая.

— Да, конечно.

— Надеюсь, вы понимаете, Ли, что мне нужны конкретные данные. Сейчас моя жизнь полностью зависит от вас. Не дай бог с вами что-то случится, и моя гибель станет лишь вопросом времени. Подумайте об этом и назовите мне, наконец, координаты нашей цели, чтобы мои люди смогли оценить ситуацию и подготовить экспедицию должным образом.

***